

Людмила Евсюкова

Я выбираю
ТЕБЯ

Людмила Евсюкова

Я выбираю тебя. Книга первая

«Издательские решения»

Евсюкова Л. А.

Я выбираю тебя. Книга первая / Л. А. Евсюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963167-1

Жизнь подростков полна неожиданностей. Героиня романа учится любить, ценить хорошее и отвергать плохое. Умная помощь окружающих помогает ей в этом. А негативное вмешательство вселяет неуверенность и толкает на необдуманные шаги. Говорят, нельзя войти в текущую воду дважды. А жаль. Было бы здорово, устала героиня, наделала ошибок, вернулась бы в прошлое, набралась сил, эмоций, новых знаний. И продолжила бы борьбу за свое счастье.

ISBN 978-5-44-963167-1

© Евсюкова Л. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Детские годы	6
Глава 2. Переезд из Грозного. Жизнь в Ищерской	18
Глава 3. Поездка в Ленинград	29
Глава 4. Изменения в мое отсутствие	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Я выбираю тебя

Книга первая

Людмила Андреевна Евсюкова

Дизайнер обложек Алина Розанова

© Людмила Андреевна Евсюкова, 2019

ISBN 978-5-4496-3167-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-3168-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Я живу, как умею.
Ни о чем не жалею.
Нахожу и теряю
И с нуля начинаю.**

Глава 1. Детские годы

По одной из легенд в самом начале мироздания мужчина и женщина были единым целым существом, которое со временем Бог разделил на две половинки. С тех пор они ищут друг друга. И только, когда находят, могут надеяться на счастье. И смысл человеческого существования – найти свою половинку и обрести с ней гармонию.

У каждого из нас своя история любви. Кто-то заметил лёгкую улыбку на празднике и понял: это – судьба. Кому-то удалось найти потерянный кошелёк будущего избранника, а вместе с ним и свою любовь. Кто-то завязал разговор о музыке в интернете, но вскоре понял, что хочет декламировать стихи и петь серенады. Кто-то познакомился с будущим супругом еще в старших классах и не замечал, что судьба была совсем рядом.

С Женей мы познакомились по воле случая, когда брат попросил меня встретить своего нового друга у подъезда нашего дома. Он шел мне навстречу – чуть выше среднего роста, опрятно одетый – и смотрел во все глаза. О, эти глаза! Они больше всего выделялись на его лице и как-то искрились. От этого взгляда внутри меня все просто затряслось. А бархатный голос вообще сбил с толку:

– Ты – Оля?

Я молчала. Во мне все кипело внутри и булькало в районе горла. Кажется, я проглотила язык. Он не повиновался мне. Я только слепо прокручивала в голове эти два слова. Как приятно было слышать из его уст свое имя. Будто приоткрылось окно, и сквозь него просочилась свежесть весеннего утра с примесью запаха любимых с детства цитрусов.

Он повторил:

– Слышишь меня? Ты – Оля? Сестра Каролины?

– Что? – Сдвинула я брови. – Ах, да!

Я сдавила голову, чтобы привести ее в нормальное состояние, так как никогда раньше не теряла власти над нею. А теперь вот совсем спятила.

– А я Женя. Пришел к твоему брату.

Он, казалось, понял мое состояние. И стушевался сам. Почему я так решила?

Да он вдруг промямлил, потупив взгляд:

– Каролина сказал, что встретит меня его сестра. – Помолчал.– Не ожидал, что такая красивая.

Он искоса наблюдал за мной. Пришла очередь смутиться и покраснеть мне.

Я взяла себя в руки:

– Ни к чему эти комплименты. Ты меня только в краску ввел. Иди за мной.

И стала подниматься на третий этаж. Он пошел следом. Я слышала его легкую поступь и дыхание. Как ни странно, мне нравилось ощущать все это рядом. Так бы и топала по ступенькам всю жизнь. Но тут мы оказались возле входной двери. Он осмелел:

– Мне кажется, ты была прехорошенькой в детские годы? Этакой паинькой с бантиками?!

– Не угадал! Я росла пацанкой, уличной девчонкой, если хочешь знать. Не всякий мальчишка бывает таким.

– Странно, никогда бы не подумал.

Старшему брату было около трех лет, когда я родилась. Он с удовольствием суетился возле колыбели: – Когда ты подрастешь, мы будем с тобой вместе играть в игры, читать книжки и бегать во дворе.

Серебристые снежинки кружились тогда в свете уличных фонарей. Ложились на ветви деревьев, накрывая землю белоснежным покрывалом так же заботливо, как родители в эти дни укрывали меня, свою новорожденную дочь.

Мы жили с братом дружно, хотя бывали моменты, вместе нам становилось тесно, а врозь скучно. Оба оказались лидерами по натуре. Без нас у друзей не ладились игры. Они каждый день кричали у забора, вызывая на улицу то Вову, то меня.

Родители работали, и мы с братом были предоставлены сами себе. Что хотели, то и делали. Где хотели, там и бывали. Нашим воспитателем оказывалась улица. Мы находили развлечения в любое время года. Носились с друзьями по тротуарам наперегонки, играли в казаков-разбойников, в салки, в знамя или прятки.

Детство было незабываемым. О нем я могу вспоминать часами.

Примерно с двух лет я стала рьяной «почемучкой». Мне не хотелось принимать мир таким, каким его мне преподносили, я старалась обо всем узнать сама.

– Папа, мне сегодня бабушка читала сказку про Колобка. Он там от одного зверька к другому катился по земле. А как же он видел? У него что, глазки не пачкались об землю?

Нахождение с бабушками всегда шло мне на пользу. Они приучали к порядку. После того как поиграем и собираемся садиться кушать, гулять или купаться – я стала сама собирать все игрушки, класть на место и только потом все остальное.

А вообще, когда родители видели меня только по вечерам и на выходных – замечали каждый мой момент взросления.

По дороге от бабушки я как-то затеяла с мамой такой разговор:

– Мама, я вот все думаю, почему в сказке, где у зайчика была избушка лубяная, а у лисички ледяной дворец, как у Снежной королевы, лиса выгнала зайчика из дома?! Она посмотрела на него, и ей не понравились его косые глаза? Разве можно выгнать из собственного дома того, чьи глаза тебе не понравились?

– Нельзя, конечно. Но в жизни встречается всякое.

– Выходит, если я кому-то не понравлюсь, меня тоже могут прогнать?

– Что ты, Оленька, у нас семья. И каждый, кто рядом с тобой, не позволит никому тебя обидеть: ни я, ни папа, ни Вова.

– И Вова?

– Обязательно.

– Тогда я спокойна. Вова – мой брат и лучший друг.

Познавая с каждым прожитым днем все больше, я подходила с различными вопросами к родителям:

– Мама, ты говорила, что детей находят в капусте, а папа сказал, что их приносит аист. А вот мама Лиды сказала, будто проглотила зернышко, а оно встретилось с яичком. Они стали дружить. И от этого получился плод, который вырос и стал Лидой. Дети что, по-разному получают?

Отец отфутболивал меня к матери, та к отцу. Оба ссылались на нехватку времени. Понятно, они уставали на работе, и домашние дела отнимали у них много времени и сил. Но в глубине души чувствовала обиду на их невнимание.

Я как-то слышала разговор за забором у соседей:

– Если хотите добиться уважения от ребенка, сначала сами начните его уважать, понимать и поддерживать, – говорила учительница матери троих детей тете Ане.

– Да мы стараемся помогать детям во всем. Они у нас ни в чем не нуждаются.

– Потакать – не значит поддерживать. Будьте ближе к ним. Тогда вам будет всегда известно, где они, чем занимаются. И нужна ли им помощь.

Когда родители отмахивались от меня, я бежала на соседнюю улицу к бабушке Тане и мамашке. Они всегда были моими советчиками и рассказчиками. И отвечали на любые вопросы. От них я получала любовь, тепло и ласку. Здесь меня лечили, парили ноги, отправляли в пионерские лагеря и на праздничные мероприятия.

Воспитывали родители нас в строгости. Если кто-то из нас провинится, – в сарае стоял полный мешок с горохом. Отец кричал:

– Марш за горохом! И на колени!

Мы понуро шли в сторону сарая. Потом насыпали на пол горох. И становились коленями на него. Было больно и обидно. Чтобы облегчить свои страдания, мы ерзали коленями по полу, стараясь выкатить из – под них зерна. Если эту хитрость замечал отец, он говорил назидательным тоном:

– А за это будешь наказан до утра.

Мы просили:

– Больше не будем. Простите нас!

Отец отворачивался:

– Не слышу раскаяния в голосе. Стойте, пока не поймете глубину своего проступка.

Но понимание не приходило, появлялась злость на отца.

Иногда к нам приходили по какому-нибудь вопросу соседи.

– Андрей! Ну что ты над детьми глумишься? Прости их! – С мольбой в голосе зывали нашего отца к милосердию они.

– Я знаю, что делаю.

– Но у детей потом проблемы с ногами будут! Пойми, можно ведь и словом воспитать не хуже, чем физическим воздействием!

– Они слов не понимают! А не хотят слушать родителей, пусть поймут недопустимость своего поведения через боль!

Тогда мы просили заступиться за нас мать, плача и еле терпя боль.

Она пожимала плечами:

– Отец наказал, обращайтесь к нему. Я не могу ему перечить.

Бывало, отец забывал о нас, ложился спать. А мы продолжали стоять коленями на горохе. Тогда мать разрешала подняться с колен и идти в кровать.

Изредка на моих родителей находило желание вплотную заняться нашим с братом воспитанием. Так было однажды летом, когда мама получила отгул за работу во внеурочное время. Вова тогда перешел уже в четвертый класс, я только готовилась стать первоклассницей.

Мама приказала:

– Никуда сегодня не убегайте. Я дома и хочу, чтобы вы были возле меня, выполняя поручения.

Вовка тут же нашелся:

– Мне в школу! Надо готовить класс к началу учебного года.

И отправился на улицу. Мы с друзьями в этот день собирались оказать тимуровскую помощь соседке. У нее из-за старости не было сил перекапывать небольшой огородик. И мы договорились тайно помочь ей в этом.

Не умея врать, я осталась дома с матерью, упрашивая ее отпустить к ребятам:

– Мамочка, ну как ты не понимаешь, я пообещала друзьям, что пойдем вместе к бабушке Нюсе вскапывать огород. И что же, всех уговорила, а сама не приду!?

– Что мне за дело до твоих друзей? – злилась мать. – Это ты не понимаешь. Я из-за работы редко бываю дома. Теперь появилась возможность побыть с вами, а вы от меня, как от огня, бежите! Неужели я многого требую от вас с Вовой?

– Мамуля, прошу тебя, ну отпусти меня. Вот вскопаем огород, я вернусь домой. И мы тогда целых полдня будем рядом, – умоляла я, заглядывая в глаза.

– Нет! И еще раз нет! Я сказала не пойдешь, значит, так и будет! – потеряв терпение, крикнула она.

Я упрямо уставилась на нее и с обидой в голосе прошептала:

– Вот пионеры в книжке» Тимур и его команда» помогали старикам. И никто их за это не ругал.– Глотая слезы, добавила. – Мне мамашка про них книжку читала.

– Ну, это пионеры. А ты пока еще даже не школьница, а всего-навсего маленькая девочка, – вроде примирительно сказала мать. – А вот мамашке твоей я сделаю выговор: нечего лезть к моей дочери со своими книжками. Своих пусть заведет и воспитывает их, как хочет!

От обиды я подпрыгнула на стуле:

– И вовсе не маленькая, а большая уже! Мы давно помогаем старикам. Разве это плохо?

А книжку я попросила прочитать. А потом ее всем ребятам пересказала. И мы решили тоже стать командой. – Даже не сказала, а выкрикнула я. – А еще я уже в первый класс записалась. Вас с папой целыми днями дома не бывает. А учительница ходила по дворам и всех семилеток приглашала в школу. Я самая первая теперь в списке. И ее по всей нашей улице провела. А что? Она ведь не знает, кто, где живет. А я всех знаю. И меня тоже все знают, – с ноткой гордости добавила я.

Мать со злостью выкрикнула:

– Вижу, ты совсем от рук отбилась! Если так хочешь помогать, возьми веник и подмети в нашем доме. А то, видишь ли, большая она уже.– Она со всей силы захлопнула форточку, в которую с улицы уже много раз доносился зов друзей.

– Я уже утром подметала!

– Так сделай то же самое во дворе.

Она была уже выведена из себя.

– Там тоже. И еще бы сто раз везде подмела после тимуровской работы, – с обидой ворчала себе под нос я, глотая соленые слезы, струйками стекающие по лицу.

Я без души поводила веником по полу в доме, потом по аллеям во дворе. Затем поиграла во дворе с собачкой. А в конце вообще села в уголке у окна, надув губы.

Изредка в нашей семье случались праздники. Особенно радостными для нас были совместные походы в парк культуры и отдыха имени Кирова. Коротко этот парк называли треком. Там были качели и карусели, пруд с лодками, лебедями и бакланами, плавательный бассейн и многое другое.

Накатавшись и наплававшись, посетители трека обязательно отправлялись в кафе с мороженым, шашлыками и прочими вкусностями. Так поступала и наша семья. Мы с удовольствием и неторопливо ели мороженое, сидя за столом и с достоинством поглядывали на людей в очереди, ожидающих трапезы в уличном кафе. Надолго потом нам с братом хватало эмоций от этого отдыха.

Реже удавалось сходить всей семьей в кино, в цирк или зоопарк. Мы мечтали о большем общении. Когда родители потом надолго погружались в свои дела и заботы, мы снова становились предоставленными самим себе.

Росли мы, как тростинки: куда подует ветер, туда и склонялись. Благо, еще с детства по интуиции или природному чутью, а может, и с помощью наставлений многочисленных бабушек и мамашки мы не свернули с правильного пути. Хотя и считались уличными сорванцами.

Вблизи от нашего дома находился детский сад. Все мы мечтали хоть на некоторое время попасть туда. И с завистью смотрели на детсадовцев, играющих в подвижные игры во дворе, как воспитатели читают им книжки и беседуют с ними в беседках, как медики проводят с малышами летнее купание в бассейне, как они вертятся на турниках на спортивной площадке.

Стоило детям покинуть двор, мы перемахивала через забор. И начинали выделывать все, что видели сквозь решетки забора: висели на турниках и бегали наперегонки по двору, исследовали каждый уголок беседок и всего двора, летом купались в бассейне. И при этом визжали от удовольствия.

Повзрослев, устраивали даже футбольные и баскетбольные матчи. За нами гонялись сторожа с метлами. Воспитатели и заведующая уговаривали покинуть территорию. Мы рассыпались, как горох, в разные стороны. И тут же появлялись снова.

Иногда мы шли за детсадовскую территорию, где в годы нашего детства был пустырь. Там гоняли мяч в футбол, играли в волейбол или в вышибалу. Потом на месте наших былых игр приступили к строительству высотных домов. Выкопали котлованы для фундамента, завезли блоки.

Понятно, что строительство домов и магазинов – это хорошо. Лишь одного не могли мы понять, где теперь играть?! И продолжали развлекаться на стройке. Мы бросались в котлованах камнями или комьями земли, перепрыгивали с верхней площадки дома на нижнюю, балансировали на незакрепленных ступенях и балконах без ограды.

При метании комьев мне разбили голову. В глиняном комке оказался осколок стекла. Дети вели меня под руки, так как я ничего не видела из-за прилипшей к ресницам и волосам крови, которая струилась по лицу и голове. Засохшие волосы не давали мне повернуть голову. Мать, увидев меня, зареванную, грязную, всю в крови, не пустила домой:

– Иди туда, где была! Сколько тебе раз говорить: девочка должна быть послушной, играть в спокойные игры?! Например, в дочки-матери с подружками, а не бросаться камнями, лазить по заборам или бегать по стройкам с мальчишками!

Я размазывала по щекам слезы с кровью и грязью. Ну, что поделаешь, если я с малолетства не любила играть в куклы. Во-первых, никогда их не было, а во-вторых, больше нравились игры на воздухе в кругу друзей. И что самое интересное, – с мальчишками я чувствовала себя намного уютнее, чем с девчонками.

От боли физической и обиды я безутешно плакала. А друзья повели меня на улицу, громко успокаивая и наперебой вспоминая, что делали их родители в подобных случаях:

– Мне мама ранку промыла, когда я ударился об крыльцо, и потекла кровь. А потом завязала чистой тряпочкой.

– А моя мама говорила, что любую ранку надо зеленкой залить.

– А моя – иодом.

– А у нас сейчас есть хоть что-то?

Я от их слов заголосила еще громче.

На этот шум вышла из двора соседка бабушка Нюся.

– Как это мама не стала лечить Олю? Разве можно бросать ребенка в беде?!

Она подхватила меня на свои старческие руки. И бросилась бежать через дорогу в больницу:

– Ничего, мы этот вопрос быстро решим. Поликлиника рядом, а ребенок кровью истекает, – говорила она, запыхавшись, на ходу.

Вся ватага друзей еле поспевала за ней.

В кабинете врача медсестра обмыла и обработала рану, выстригла вокруг нее волосы, сделала укол, а врач зашил кожу. Затем забинтовали голову.

– Ну, вот! Теперь ты, как раненый в голову Чапаев! – засмеялись они.

Долго теперь друзья наблюдали мои походы в больницу на перевязку и обратно. Так что, закончив первый класс с отличием, я фотографировалась с одноклассниками с перевязанной головой и с перебинтованной рукой, которую разбила, переходя через железную дорогу при очередном походе в больницу.

Как-то брат собрался на день рождения купить мне в подарок настоящую куклу. У меня была лишь самодельная подруга, которую сшила бабушка Душа из тряпок. Мы с ним даже в город для этого ездили вдвоем. Во время поездки обошли много магазинов в центре Грозного.

Ни одна из облюбованных мной красавиц ему не нравилась:

– Ты только посмотри, какая она страшная: глаза навывкате, губы, как гармошка. Давай еще поищем.

– Вова, глянь, кукла с золотыми волосами! Немного на Лидину похожа. Правда?

– Ничего ты не понимаешь, у нее вместо волос пакля. Она не Лидину красавицу похожа, а на бабу Ягу из мультиков.

– Ой, погляди, какие пупсики. Я давно о таком мечтала. Научусь ему платьица всякие шить.

– Сама ты, как пупсик. От горшка два вершка. Нормальную игрушку надо.

В результате поисков Вова приобрел машинку с поднимающимся кузовом. И не отдавал мне ее, пока не наигрался сам.

В один летний вечер мы с друзьями отправились играть на стройку. Рабочих там уже не было. А этажей в доме прибавилось. Это манило с небывалой силой.

Мы носились по этажам, перекликались и прятались друг от друга. Неожиданно наткнулись на сторожа. Он стал прогонять нас с объекта. Мы бросились врассыпную. Он побежал за нами. Я выскочила на балкон третьего этажа. Не успела отдышаться, как в проеме показался сторож. Он отправился за мной, потому что была самой маленькой.

Я, ойкнув от неожиданности, прыгнула вниз. Вельветовая юбка парусом надулась на ветру. На лету она зацепилась за балкон первого этажа. На мгновение это задержало меня там. А когда материя порвалась, я рухнула вниз, где валялись бетонные плиты и осколки кирпичей, а из земли торчали куски арматуры. Видимо, меня оберегал хороший ангел-хранитель, приземлилась на чистое место.

Через некоторое время, грязная и поцарапанная, в ссадинах и крови, я шагала впереди ватаги друзей. При этом размахивала разорванной юбкой над головой, и в миллионный раз рассказывала, как совершила свой прыжок.

Друзья с обожанием и завистью смотрели на меня:

– Ну, ни за что бы не прыгнула. Я высоты боюсь!

– С ума сойти, аж с третьего этажа!

– Это сколько ж метров от земли!

Там, где жили мы с друзьями, раньше была узкая автомобильная дорога с остановкой напротив нашего дома. И на проезжей части транспорт нередко сбивал беспризорных собак. Тогда мы, положив на тряпку раненое животное, несли его по очереди в наш двор, где лечили, кормили и были счастливы, если оно выздоравливало и начинало ходить.

Если наступал страшный конец, целой процессией шли на пустырь, где теперь была стройка. И там хоронили беднягу в вырытой нами ямке. Потом посещали это место в знак памяти.

Вова любил читать книги. И как-то прочитал мне вслух отрывок из «Четвертой высоты», где Гуля Королева, поборов страх, совершила свой первый прыжок с самолета. Брат от переживания за нее даже вспотел. Потом поднял на меня глаза:

– Оль, а ты бы смогла вот так взять и прыгнуть вниз с парашютом?

– Не знаю, не прыгала. Наверное, все-таки струсила бы.

– А вот наши ребята считают тебя смелой.

– Кто так считает?

– Ну, Витька, например.

Я покраснела. Достаточно было этого имени, чтобы я в то время в любое пекло полезла.

– А давай попробуем?!

– Как? У нас и парашютов-то нет. С крыши, что ли прыгать будем?

– А хоть и с крыши!

Вовка почесал затылок:

– А что, я в сарае старый зонтик видел. Чем не парашют?

И мы начали рыться в старых лохмотьях, разыскивая будущий парашют. Потом забрались на крышу сарая, раскрыли найденный зонтик.

Первым спрыгнул брат. Забросил парашют мне:

– Прыгай, не бойся! Это вовсе не страшно, а даже приятно!

Я тут же ринулась вниз, ощутив, как дернуло ветром зонтик. И не успела даже испугаться. Потом подумала: не зря Вовка ходит теперь, выпятив грудь, как индюк. А ведь, правда, приятно ощущать себя смелой.

К забору подошла Лида:

– Чего вы там веселитесь?

Я с радостным возгласом побежала к ней:

– А мы, как Гуля Королева из « Четвертой высоты », с парашютом с сарая спустились.

– Не врешь?

– Чего мне врать?

– Покажи.

Я снова спрыгнула с крыши.

– Ух, ты! Ну, вы даете!

Вовка отозвался издали:

– Давай к нам! Хочешь так же спрыгнуть?

Лида перелезла через штакетник, соединяющий наши дворы:

– Нет, я боюсь. Вдруг ногу сломаю.

– Тогда иди, я тебя на машине покатаю!/? – предложил он ей.

– Давай!

Она поправила свои красивые черные волнистые волосы. Машиной у нас считались огромные счеты нашей мамы. Вовка подложил ей на счеты дощечку. Она удобно уселась, аккуратно разложив вокруг себя платье. Ноги поставила на их края. И он стал толкать ее в спину. Счеты покатались, раздался грохот от их скольжения по асфальту. Они « ехали », а я бежала следом и вместе с ними смеялась.

У Лиды был брат. Тоже Вова. Он учился в старших классах и на наши забавы смотрел с усмешкой: чем бы дитя не тешилось... Он часто ходил по двору с рогаткой. Настреляет воробьев, что воровали у них виноград, поджарит их над костром. А потом нас с Лидой угощает. Мне казалось, это было самое вкусное блюдо, которое я пробовала в детстве.

Иногда в хорошую погоду мы устраивали игры в бадминтон или волейбол в проулке или своими руками изготавливали ходули. И потом оказывались великанами, распугивая своим видом и шатким ходом прохожих.

Или вдруг начинали гонять на громких тачках, прикрепив к сколоченным деревяшкам подшипники. Иногда тачки ломались, тогда всей гурьбой мы, девчонки и мальчишки, склонялись над ними. Одни советовали, другие ремонтировали, третьи бегали домой за инструментом.

Нам никогда не было скучно. Часто мы шли на поле выливать сусликов или пауков, играли в чакушки, для начала собрав в округе все металлические крышки от бутылок и загнув их края кирпичом.

Зимой у нас развлечений не уменьшалось. Особенно, если выпадал долгожданный снег и мороз не давал ему быстро растаять. В ходу тогда были игры на горке, коньки и санки. Кроме прочего, мы играли в снежки и лепили снежных баб. Все это считалось у нас символами зимних школьных каникул и предвестниками главного праздника детворы- Нового года с подарками, сюрпризами и представлениями в Домах культуры.

Когда нечем было заняться, мы дожидались повернувшего в проулок грузовика, цеплялись за его борта и несколько сот метров на ногах катились за ним по ледяной дороге. В последний момент, когда машина собиралась повернуть в другую сторону или начинала набирать

скорость, мы резко отталкивались от ее борта, чтобы наше скольжение прекратилось. Если толчок не получался сразу, бежали за машиной, пока не удастся оттолкнуться.

Но не одними развлечениями жили тогда мы. Семья и отношения в ней для нас играли огромную роль. Разногласия, непонимание, и невнимание в нашей семье стали происходить все чаще. Психология семейных отношений, видимо, прошла мимо дома, когда ее делили между всеми жителями города.

Как-то Вова пришел домой с разбитым носом. Отец отлупил его ремнем, и, выставив за дверь, сказал:

– Если ты не разобьешь Панфилову нос до крови, как он тебе, домой можешь не возвращаться. Забудь тогда про улицу и игры. Еще я тебя откостыляю так, что мало не покажется.

И тут же забыл о сыне и своем обещании. Ему было не до его проблем. У него рушились семейные отношения с нашей мамой. Наверное, у отца давно прошла любовь к ней. Остались лишь привычка да обязанности по отношению к нам. Раньше он, как мог, скрывал свою холодность за пристрастием к алкоголю, срочными вызовами на работу или командировками.

Теперь после работы он спешил не домой, а к другой женщине. В ней, как он как-то сказал соседу дяде Ване, ему нравилась ухоженная внешность, отсутствие детей, темперамент, и ее правило в каждый в его приход ставить на стол бутылочку винца. Она принадлежала только ему. Не надо было делить ее с детьми или родственниками. В ее доме он чувствовал себя, как улитка чувствует себя внутри раковины.

Мама от кого-то узнала об этой его отдушине. В семье сначала проходили военные битвы, а потом наступила холодная война. Прекратились разговоры между всеми нами, никто не советовался и не предлагал помощь. Все предвещало приближение, как сказал мне старший брат, развода.

Я часто ездила с матерью следить за отцом или сопровождала ее в походах в профкомы или парткомы организаций, где он работал. Но все говорили, что он хороший работник. И никаких мер к нему не предпринимали. А его волновало лишь одно: как при создавшейся ситуации с наименьшими потерями выйти сухим из воды.

Он потом кричал, как резаный:

– Чего ты позоришься? Чего всем рассказываешь о нас? Что, не можешь смириться с потерей? Да, я золотой человек! И работник хороший!

Мама не уступала ему:

– Лучше бы ты не позорил нас! Нужна другая женщина? Уйди, оставь меня с детьми в покое. А – то вся улица обсуждает наши семейные отношения.

А мы с Вовкой сидели в спальне, прижавшись друг к другу, как сиамские близнецы, и опустив в пол глаза. Нам почему-то было страшно и больно смотреть друг на друга.

Вовка два дня искал встречи со своим обидчиком. А тот, как назло, не показывался на глаза. И вот стычка произошла. Но брат не чувствовал удовлетворения. Ему было стыдно перед закадычным другом. И поступил он бесчестно, подкарауливая его по приказу отца. Драка исподтишка была для Вовы унижительна.

Он избил друга, но без появления крови. Затем пришел к себе на крыльцо и заплакал. Я выбежала из дома, обняла его и зарыдала вместе с ним. Он, вздыхая, сказал:

– Теперь отец всыплет мне! Я не до крови Витьку побил.

– А за что вы подрались? – Удивленно подняла я брови вверх, потому что с малолетства боготворила этого Витьку. Он часто давал мне покататься на велосипеде. Между нами существовала какая-то скрытая симпатия.

– А просто так! Отец приказал! – размазывая грязь и слезы по лицу, снова вздохнул Вовка.

Боясь исполнения отцовской угрозы, он старался не попадаться ему на глаза. А тот и думать забыл о нем. Только напивался до потери пульса и, дойдя до комнаты, падал на пол

и орал похабные песни. Тогда даже родные, соседи и знакомые слышали громкий ор нашего отца:

– Когда меня мать рожала, вся милиция дрожала.

И все в этом роде. Невольные слушатели в очередной раз говорили:

– Андрей опять напился, вон какие концерты закатывает!

Когда я пошла в первый класс, долго не могла взять в толк, почему в классе надо полдня находиться за партой в безмолвном молчании? Почему нельзя дать сдачи мальчишке, если он обижает или пугает девочек?

Тогда у мальчишек в чести было такое занятие: они ловили лягушек, кузнечиков или ящериц и забрасывали их за ворот школьных форм девочкам. Те визжали, плакали и разбежались в разные стороны.

Я тут же давала сдачи шутникам и хулиганам, как поступала и до записи в школу. Только теперь защищала, кроме своей персоны, еще и подруг, которые не могли постоять за себя. И проделывала с мальчишками то же самое, что и они. Ведь уличные дети привычны ко всему.

Если кто-то из ребят не понимал серьезности моих поступков, и снова обижал девочек, набрасывалась на обидчика тигрицей и воспитывала с помощью тумачков:

– Вот тебе, вот тебе! Будешь знать, как слабых обижать!

– Я не обижал! А просто шутил!

– Ах, ты шутил? Так теперь я шучу. Проси прощения у ... – Я называла имя пострадавшей одноклассницы.

И делала это до тех пор, пока тот не взмолится о пощаде:

– Прости, я больше не буду! Да отпусти ты меня!

Я отпускала обидчика. И слышала вслед:

– Дура ненормальная. Сумасшедшая какая-то.

Тогда снова ловила мальчишку или не обращала на его слова внимания. Чего со слабыми возиться?! Не зря же я свободное время проводила больше с мальчишками. Как говорится» с кем поведешься, от того и наберешься».

Мальчишки часто приводили в школу своих родителей с жалобами на меня. Первая учительница- Мусаева Лэйла Заурбековна – по-разному меня наказывала: и ругала наедине, и совестила перед классом и родителями. Самым страшным наказанием оказалось то, когда она заставила всю вторую смену простоять в углу другого класса.

Я не любила проводить весь день без движения. И все равно не стала просить прощения. Учительница поражалась.

– Не понимаю, – говорила она Алевтине Ивановне, – как такая малышка стойко выдерживает испытание, оставаясь при своем собственном мнении, что зло должно быть наказано?!

– Ты же знаешь, Лэйла, не все дети трусливы. Некоторые с малолетства болезненно реагируют на обиду и стойко защищают свое личное пространство. Значит, мальчик сам виноват в том, что Оля побила его. Иногда ребята слишком надоедают девочкам. Одно дело, если за косичку дернут, и другое, когда пугают всякой тварью.

Когда Лейла Заурбековна уехала домой, Алевтина Ивановна подошла ко мне:

– Оля, признай свою вину. И иди за всеми детьми домой, – упрашивала она меня на одной из перемен второй смены.

– Я не виновата. И просить прощения не буду. Пусть мальчишки перестанут обижать слабых, тогда и я их не трону. И вообще, что это за мальчишки, если обижают девочек, а при первом же поражении бегут жаловаться родителям?! – Я плакала, но не хотела виниться.

В школьные годы меня многое возмущало. Для чего, например, нас заставляли в свободное от школы время собирать макулатуру или металлолом, если они потом месяцами под дождем и снегом валяются в школьном дворе, покрываясь ржавчиной или превращаясь в месиво. Зачем тогда мы тратили время и силы, если это никому не нужно?

Лучше бы школьники в это время лишний раз сходили в библиотеку, где много прекрасных книг. Для меня библиотека представлялась идеальным местом, бальзамом для души. В каждой книге я видела умных и добрых друзей, готовых поделиться со мной своими знаниями. Я была полна надежд и мечтаний. И хотела с помощью книг сделать счастливой свою жизнь.

В четвертом классе объявили на линейке, что класс, набравший большее количество металлолома, отправится на несколько дней в Орджоникидзе на экскурсию. Мы трудились в поте лица, но кучка с металлоломом не отличалась размерами от других. Тогда я предложила:

– А давайте сходим в ДОСААФ и попросим металл у них. Я с продленкой каждый день там обедаю и знаю начальство в лицо. Да и они меня знают.

– А пошли!

Он находился за школьным забором.

Секретарша нажала на кнопку коммутатора:

– К вам тут школьники целым классом пришли.

– Впустите представителей.

Единогласно решили, что это буду я.

Странно, но я тогда не боялась начальства и общалась со всеми, как со старыми знакомыми.

Я остановилась поодаль от стола:

– Петр Иванович, у нас в школе объявили сбор металлолома.

– Что ж! Похвальное дело! Страна нуждается в металле, чтобы строить самолеты, поезда и многое другое.

– А что, ваши самолеты тоже из такого металла делают?

– В том числе и из такого. Так что вас, милая леди, привело вас мне?

Я рассказала об условиях конкурса и попросила помочь нам с этим сбором.

Ну, никак не ожидал начальник такого разговора от девочки с косичками. Он привстал от моей наглости:

– Я, конечно, понимаю ваше желание пуститься в путешествие в Орджоникидзе. – Тер он подбородок. – Очень красивый и своеобразный город. Но чем я могу помочь? У нас ведь тоже план по сдаче отходов алюминия и меди.

И почесывал затылок, раздумывая. Я расстроилась: неужели откажет?

– Петр Иванович, мы не просим цветные металлы. Просто на территории перед столовой и вашей конторой валяется много хлама. От этого ДОСААФ выглядит неухоженным. Давайте, мы с одноклассниками устроим субботник. Наведем здесь порядок. Все металлическое заберем, а остальное сложим в одну кучу. А ваши курсанты погрузят это на машину и отвезут на свалку.

Петр Иванович даже улыбнулся:

– А что, это идея. И вам хорошо, и мы не в накладе. Разрешаю.

Он тут же вызвал завхоза:

– Дайте инструменты для субботника этим школьникам. Всячески им помогайте. Все, что надо им, они после субботника заберут с собой. Я разрешил. Остальное вывезите на свалку.

– Оля, я даже не ожидал, что в твоей детской головке находится такой зрелый и практичный ум. Думаю, тебя ожидает неплохое будущее.

– Спасибо, Петр Иванович. Я к ребятам.

В голове моей вертелись некоторое время лестная фраза офицера. Но проведение субботника и последующие события вытеснили ее из памяти.

Потом мы нашли на буровых качалках всякие металлические болванки и выкопали из земли возле железной дороги обломки рельсов. В результате класс оказался первым. И мы отправились с учительницей в туристическую поездку.

Мы с одноклассниками гордо вышагивали по тенистому городу, открывая новые места в нем и черпая знания пригоршнями. Музеи и обелиски, – все посмотрели мы и, наконец, отправились в городской парк. Незабываемые минуты подходили к концу, когда мы остановились у водоема с лебедями черной окраски, грациозных, ярких и просто необыкновенных.

Они проплывали мимо нас в одну, потом в другую сторону. Или вдруг один лебедь, склонял свою голову к другому, зарывшись клювом в его пуху. Это зрелище было незабываемо. И чем-то напоминало добрые чувства людей.

Любому мероприятию рано или поздно приходит конец. Мы надолго запомнили эту удивительную поездку, заработанную собственным трудом.

Я никогда не отказывалась от школьных мероприятий. И любое поручение выполняла добросовестно и с огоньком. Но в душе со многим не соглашалась. Просто действовала, как по Уставу: сначала выполни приказ, потом выражай свое несогласие.

Шло время. Я подросла, стала больше общаться с ровесницами. Еще чаще – со старшими подругами. Соседки Катя Писарева, Лида, Люба и я, взявшись под руки, ходили взад-вперед по улице, напевая модные в то время песни типа:

– Представить страшно мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Другой бы улицей прошел,
Тебя не встретил, не нашел.

Мы многозначительно при этом переглядывались. Втайне каждой из нас уже нравился кто-то из ребят. Ночами мы мечтали о встречах с ними. И переживали, если они не обращали внимания на наши страдания.

Часто во время прогулок пересказывали прочитанные взрослые книги. Особенно мне запомнился Любин пересказ романа «Анжелика и король». Я слушала и удивлялась ее мастерству передавать увлеченно и правдиво всю интригу романа. А после этого взяла в городской библиотеке все книги про Анжелику. И прочитала их от корки до корки, проживая все испытания вместе с героями книги.

Разлад между родителями не оставлял спокойными нас с братом. Мы старались меньше оказываться на глазах у матери с отцом, не расстраивать их и помогать по мере сил, опасаясь попасть под горячую руку.

Мать все последнее время плакала, переживала и следила за каждым шагом мужа. Мы жалели ее. А она, поймав его на измене, совсем сникла.

Она как-то рассказывала тете Оле Боровлевой:

– До этого в душе теплилась мизерная надежда, что не все так плохо, как кажется. Со временем все встанет на свои места, жизнь наладится. Но ничего не улучшилось.

Он по-прежнему отрывается у любовницы. А дома одни скандалы да ложь.

– Что поделаешь, Даша. «Жизнь прожить, – не поле перейти». Случается и такое.

– Мне все тяжелее становится жить рядом с изменником. Он напивается до потери пульса, орет на всех, кто попадает на пути, хватается за нож или топор. И гоняется за нами, пока кто-нибудь из соседей не запустит в свой двор.

– Дашенька, милая, если что, переноси свои вещи ко мне. Потом подгонишь машину и уедешь от Андрея, если совсем невмоготу терпеть его выходки.

Однажды в нашем доме дошло до драки отца и Вовы. Если бы не помощь мамино двоюродного брата, страшно подумать, чем бы окончилось это столкновение.

Мать и Вова потихоньку переносили вещи к тете Оле на случай, если в ходе очередного скандала придется спасаться бегством. Было решено: больше не возвращаться в опостылевшие стены.

Мне мама не особо доверяла. Боялась, что из-за малолетства выдам отцу ее планы. А я и без слов все поняла. И помалкивала. Меня уже тогда обижало отношение ко мне. Как-то

друзья позвали меня на улицу. Отец с матерью сидели на кухне, через которую я шагала с гордо поднятой головой, делая пальцами щелчки, которым недавно научилась

– О, пошла, пошла! Даже не смотрит на отца.– И повернувшись к маме, произнес то, что меня покорило до самой души, – Смотри, принесет тебе твоя фифа в подоле.

Прошло немало лет с тех пор, многое забылось, а эти слова до сих пор жгут душу.

В конце августа мать забрала наши с братом документы в школе, уволилась с работы. И в последний день летних каникул, когда отец был на работе, погрузив немудреный скарб на машину, покинула с нами родное место, где прошли многие годы семейной жизни. Пусть не всегда счастливой, но жизни.

Как пчелиный рой гудели тогда соседи, столпившись у забора, когда отъезжала машина с нами:

– Дашка бросила Андрея.

Кто-то был на стороне матери, кто-то осуждал ее поступок, считая, что в семье бывает всякое:

– Надо уметь терпеть и прощать.

– Но сколько можно прощать человека, думающего только о собственном благополучии?

Он ведь совсем не думал о своих родных, каждый раз смешивая их с грязью.

Глава 2. Переезд из Грозного. Жизнь в Ищерской

В казачью станицу, где проживали родственники, мы приехали поздно вечером. На улице уже горели фонари, и воздух остыл от дневного жара. Разгрузив машину, взрослые поспешно накормили и отправили двух своих дочерей и нас в детскую комнату.

Закрыв дверь, они приступили к вечерней трапезе сами. Хоть и старались прижать дверь накрепко, она приоткрылась. Никто не обратил на это внимания, зато я теперь видела и слышала весь их разговор за столом.

Сначала все ели молча, разговор был отрывочным. Можно сказать, он попросту не клеился. Ясное дело, родственники не были в восторге от приезда сестры с детьми. Свалились, как снег на голову, без предупреждения или согласования. Приняв на грудь по сто граммов за внезапный приезд, родные мало – помалу разговорились.

Мама, как и все женщины, считала себя правой и обиженной. Это сквозило из ее рассказа:

– Никогда не забуду, как однажды Андрей сказал, что имеет право из-за моей холодности к нему гулять на стороне...

Тетя Вера, полная белокурая женщина, перебила ее:

– Глупая, да он, видно, просто пугал тебя, показывал свою власть над тобой! Они это любят! Или настолько был неуверен в себе, что для самоутверждения старался внушить тебе, что он сильный и незаменимый...

Хмыкнув, дядя Коля возразил:

– Причем тут сила?! Мужчина может быть сильным, не прибегая к унижению или оскорблению. Здесь что-то другое. – Он замолчал, в раздумье, почесывая затылок:

– Не обижайся, Даша, я тебе зла не желаю. Знаю точно, что вы, женщины силы черпаете от окружающей природы, а вот мы ее берем от вас. Таково устройство жизни. Не мы его придумали, не нам и судить его. Прости, может у вас с Андреем нелады с сексом были?

Ведь ты пойми, не найдя отзыва в тебе, он на стороне найдет ту, которая с готовностью очастливит его.

Мама, как от пощечины вздрогнула от этой фразы. Не донесенная до рта вилка с капустой, казалось, зависла в воздухе.

– О каком сексе может идти речь?! Я и на работе, и дома. Он вечно пьяный и злой. Да и помощи от него ведь никакой! Так наработаюсь, что не до отношений в кровати! Да и дети ведь уже большие!

Дядя Коля лишь возразил со вздохом:

– Дети они у всех дети. И на работу все ходят. А вот мужья, как мы знаем, не у всех смотрят в сторону. Иные от своих жен и шагу ступить не хотят, пылинки готовы сдувать с них. Ты бы чуть поласковей с Андреем-то была. Смотришь, и лад бы в семье восстановился. Поверь, на своем опыте это знаю.

Обиженная мама только огрызнулась:

– Ну вот, я еще и виновата, оказывается. Он будет шляться где-то, а я его ласкать должна?!

Ну, нет уж, милые родственнички. Я совсем другого мнения обо всех пьянках-гулянках своего суженого. И считаю, что такой отец моим детям не нужен! – Она побагровела от обиды на родственников.

– Даша, ну это ты зря! Хороший он или плохой, ты детей от него родила. Значит, он во все времена останется для них отцом. Это для нас мужья могут быть бывшими. А для них он навсегда останется настоящим. Каким бы он ни был, – возразила тетя Вера.

Разговор принимал совсем не то русло, которое ожидала создать моя мама.

– Мне кажется, ты, кумушка, не права. Работа работой, но для каждой женщины главное всего должна быть семья. Думаю, Андрей не искал бы кого-то на стороне, если бы ты жила для него, была каждый раз новой.

Большинство женщин, как ни странно, выйдя замуж, перестают бороться за внимание мужчины, – с огорчением продолжал дядя Коля, почему-то оглянувшись сначала на свою взлохмаченную жену, потом на маму.

Если в намерения родственника входило как-то вразумить, успокоить гостью, то последней фразой он, кажется, взбесил ее.

– Сейчас не крепостное время! Это мужчины должны добиваться нашего расположения, а не мы под них подгибаться! Ни под кого не подстраивалась и не собираюсь делать это впредь! Пусть спасибо скажут, что мы за ними стираем, кормим их, поим, как детей! И ночами не спим, переживаем, где они, что с ними случилось! – Сквозь зубы процедила мама.

Она резко поднялась со стула. С грохотом отодвинула его в сторону. И, сказав, что время позднее, пора спать, отправилась в спальню на приготовленную для нее сестрой кровать.

Заснуть в эту ночь мама так и не смогла, вертелась с боку на бок, попеременно поправляя подушку, простынь или одеяло. Голова лопалась от дум. В чем же ее вина, что семейная жизнь не удалась?

Разве она не пыталась вразумить мужа? Он жил, как хотел. И не слушал ее совсем. Странная получалась картина: прожив рядом с мужем восемнадцать лет, она не чувствовала себя счастливой, не ощущала вкуса замужества. Кроме детей от замужества она не получила ничего.

Мы на соседних кроватях спали, как ей казалось, спокойным, безмятежным сном. А в ее груди теснился комок сомнений, какое-то чувство опасности опоясало холодом ее тело с ног до головы. Сердце то бешено колотилось, то вдруг замирало. Мысли становились тревожней и назойливей.

Сон никак не шел. Она не находила ответов на множество мучающих вопросов. Лишь к утру, когда ночную тишину прервала петушиная перекличка, она задремала нервным сном.

Хотя передышка для мозга была кратковременной, проснувшись она с четкой установкой поступить в создавшейся ситуации, не так, как все от нее ожидали. Ей надоело жить разумно, в угоду другим, делать все, как требует моральный кодекс.

Вчера стало ясно, что родные не разделяют ее взглядов на жизнь. И хотя они предложили временно остановиться у них для успокоения нервов и пока найдутся работа и жилье, она твердо решила, как можно скорее покинуть это пристанище.

Несколько дней у нее ушло на безрезультатные поиски работы и жилья в населенном пункте, где жили родственники. Потом кто-то рассказал ей о большом наборе на работу на вновь организованной железнодорожной станции в станице Ищерской.

На следующее утро, наскоро позавтракав, она, с трудом отрешиваясь от попыток родственников продолжить разговор, сразу после завтрака отправилась в эту станицу попытать счастья. Если там открывают новую товарную станцию, значит, есть возможность получить жилье и работу одновременно.

На новое место жительства мы переезжали в кабине грузовой машины, которую вел разговорчивый дяденька Ваня, явно симпатизирующий моей матери. К слову сказать, внешности она была незаурядной. Правильные черты лица, обрамленные завитыми светло-русыми волосами, привлекали к себе мужское внимание. Даже некоторая полнота не портила ее внешней прелести.

Дядя Ваня как мог, старался понравиться симпатичной пассажирке. А в ответ только вежливые «да» и «нет». Целый месяц после переезда семьи на новое место жительства он под разными предлогами появлялся в комнатке, предоставленной нам. Он и помощь в обустройстве комнаты в бараке оказывал, и мастерил недостающую мебель. Но расположения от моей матери так и не дождался.

После шумных отношений с мужем ей еще долго придется привыкать к спокойной жизни. Она перестала верить мужчинам. И давно уже вышла на работу стрелочницей, старательно уклоняясь от ухаживаний дяди Вани при любой встрече.

Мужчина стал появляться реже. Вскоре он нашел себе пару и женился на одинокой станичнице, крохотный домик которой приветливо улыбался прохожим чисто вымытыми стеклами и находился метрах в ста от школы.

Баракы, населенные новоиспеченными железнодорожниками, были полны тоненьких голосов. Почти в каждой из двадцати комнат были дети разных возрастов. Малыши, пока старшие братья или сестры учились в школе, носились по длинному коридору и по участку под окнами. В школу, которая находилась примерно в трех километрах от станции, ученики обычно ходили всей ватагой.

Мы с Вовой быстро нашли друзей по интересам. И стали все свободное время проводить с ними. В числе них было трое совсем взрослых ребят. Они учились в разных учебных заведениях. Домой приезжали на выходные и каникулы. Остальные учились в школе.

После занятий мы спешили домой, переодевались, брали ведра и снова в школу. Оттуда совхозными машинами нас развозили по виноградарским бригадам для работы. Я хорошо училась и старалась не уступать станичным друзьям в сельских работах, хотя впервые за свою жизнь здесь увидела, как выращивают виноград в таком количестве. От горизонта до горизонта простирались поля с виноградными кустами.

Когда наша семья была полной и проживала в городском коттедже, во дворе у нас возвышалась виноградная беседка, дающая хорошие кисти колерованного винограда. Отец ухаживал за ним с большим удовольствием. И очень гордился сортом розового винограда с вдавленными одна в другую ягодками-виноградинками.

Каждая из этих кистей достигала около трех килограммов. Он хвастался им, а мы с матерью молили Бога, чтобы не было этой прелести. Кроме постоянно пьяного лица родителя мы не видели после сбора урожая ничего. Рвать нам кисти запрещалось, все ягоды отправлялись на изготовление вина.

Я не могла поверить своим глазам, когда взглядом пыталась объять все виноградники. От обилия сортов и вкусов голова шла кругом. Мы наполняли срезанными ягодами ведро и относили учетнице на трактор. Та заносила в строку каждого сборщика количество собранных ягод за день. А в конце месяца мы, как полноправные виноградары, получали зарплату. Это были, конечно, не огромные деньги, но достаточные для использования на личные нужды и, кроме того, полученные за собственный труд.

На пути к месту работы и обратно мы пели пионерские песни или:

От Махачкалы до Баку
Волны катятся на боку,
И, вздымая, бегут валы
От Баку до Махачкалы.

Возвращались мы уставшие, но это не мешало понимать, что посильную помощь родному совхозу мы оказали. А по вечерам, наскоро справившись с домашними заданиями, встречались с друзьями под нашими окнами или на перроне вокзала.

Как-то раз, играя в прятки, мы обнаружили в дворике вокзала заросшую травой могилку со звездочкой. Оказалось, это памятник неизвестному солдату. Ради интереса стали рыться в библиотеке, расспрашивать старых жителей станции, писать письма и запросы. И нашли-таки, чья это могила.

Благодарности приглашенных родственников не было предела. Сбор пионеров с горном, барабанами, речами и слезами был проведен пионерской организацией школы на высоком уровне. Мы были довольны, что работали не зря, кто-то разыскал своих родных. А большего и не требовалось.

Наша жизнь на станции кипела, как вода в котле. Игры в нашем возрасте были, чуть ли не главным занятием. В прятки, в садовника, в казака-разбойника, в догонялки, в знамя – вот некоторые из игр, что скрашивали наше свободное время. А когда не было желания участвовать в подвижных играх, мы просто плечо к плечу сидели на бревне и играли в садовника или хохотали от смешных анекдотов или историй.

Надя как-то рассказала, сотрясаясь от смеха, случай с ее сестренкой Олей:

– У нашей Мурки появились маленькие котята. Оля, естественно, решила взять над ними шефство: нянчила их, таскала везде с собой. Когда я пришла из школы, она вдруг забегает в дом и кричит с порога:

– Няня, там один котёночек всю мордочку в молоко себе испачкал! Он что, теперь грязный будет ходить?

Я отмахнулась: – Не думаю, мама вылизет его с ног до головы.

Оля удивленно подняла брови вверх, потом поворачивается к маме, которая в это время доваривала манную кашу для нее и только что поднесла ложку ко рту:

– Мам, вылизешь?!

У мамы от неожиданности ложка из рук выпала.

Все засмеялись.

– Юмористка твоя Олька, – смеясь, сказала я. – Как-то я ждала тебя, когда оденешься для похода в вагон-клуб. Она подошла ко мне и говорит:

– Оль, а почему у моей мамы такой большой животик?

– Хочет братика тебе купить.

– А я что, тоже была сначала в животике у мамы?

– Ну да. Сначала у мамы увеличивается животик, потом появляются детки.

– И Лида, и Надя, и Сережа, – все там были?

– Да.

– Так что, мы матрешки что ли?

Ее округлые глаза, казалось, вот-вот из орбит вылезут.

И она принесла мне свою любимую игрушку, показывая, как все ее братья и сестры помещались в мамином животике.

У Вовки Кузнецова тоже была маленькая сестричка. Он ухмыльнулся:

– А наша Наташка сегодня взяла в рот травинку и говорит:

– Мама, гляди, я курю, как папа,

– Наташенька, а курить нельзя.

– А почему папа курит?

– Так взрослым дядям разрешается иногда курить сигареты, а маленьким деткам нет.

– Так это же просто травка, не сигареты, – выдала Наташка.

– Ну и детки пошли, все-то они подмечают, – отозвался, оправившись от смеха, мой брат Вова.

Он был выше среднего роста и необычайно красив. Длинные и блестящие волосы каштанового цвета спадали на его плечи. Глаза небесного цвета отсвечивали в солнечные дни зеленой. Он гордо носил над землей свою голову. Ноги его, казалось, не касались земли – складывалось впечатление, что он парил над землей. Он вскружил голову не одной девушке.

В то же время он отличался чрезмерным самолюбием и был недостаточно прилежен. Поэтому учеба в школе у него не задалась. Он учился в 8 классе школы, когда не подчинился требованиям учительницы немецкого языка. Между ними возникла почти потасовка. Брат перестал посещать школу, поступил в Грозненское ПТУ. И стал появляться в станице только по выходным и во время каникул.

Когда Вова окончил училище, он стал работать на станции Ищерской в котельной, отапливающей два наших жилых помещения. Располагалась она в середине барака, где жил он

со мной и матерью. Ее окна и дверь выходили на сторону железной дороги. В небольшой комнате стоял крохотный котел. Возле него постоянно была горка угля и лопата. Брат периодически подбрасывал уголь в топку. Уголь тлел, в комнатах жильцов становилось тепло и уютно.

Мы набивались в маленькую котельную, как селедки в бочку. Нам нравилось общение в этом теплом и чистом помещении.

Вова как-то говорит:

– Вчера ко мне Миша Булкин заходил, рассказал анекдот про моего тезку, обхохочешься.

Хотите послушать?

– Конечно!

– Еще как!

– Валяй!

– Так вот: « Учитель, недовольный ответом ученика у доски, как-то говорит:

– Дети, кто будет учиться на отлично и хорошо в школе, попадет в рай. Если он будет лениться и получать плохие оценки, то в ад.

Поднимает руку Вовочка:

– Иван Иванович! А кто-нибудь живым школу окончит?

Мы хохотали и от того, что действительно анекдот оказался смешным, и от того, что наш серьезный Вова вдруг повеселел.

Надя была года на три старше меня. У нее много братьев и сестер. Придя в бедно обставленное жилье подруги, я поражаюсь количеству кроватей, на которых располагалась вся ее многочисленная семья.

У нас с нею оказалось много общего: даже мыслили одинаково.

У Нади был брат Серега, возрастом чуть младше меня, который вздыхал по мне, не получая взаимности. С ним я ходила вечером в центр села, чтобы встретить подругу с уроков во вторую смену. Мы забирались на камни или пеньки, что попадалось под руки, чтобы заглянуть в класс и дать понять подруге, что мы ее уже ожидаем.

Однажды мы с Надей с разрешения моей мамы поехали в гости к ее родственникам в поселок Садовый. Он находился где-то недалеко от Моздока. Сказано, дети. Для нас не существовало прошлого или будущего. Мы жили в настоящем и по-настоящему: носились с друзьями по полям и поселку, были довольны поездкой и счастливы оттого, что вместе. Набрал подсолнухов на совхозном поле, радовались жизни, щелкая семечки и весело щебеча.

Мне почему-то на всю жизнь запомнилась четырехкомнатная квартира родственников подруги, в которой все три спальни находились с одной стороны и выходили дверями в большой зал. И я долгие годы мечтала занять для своей семьи именно такое жилье. В гостиной возле стены, противоположной дверям спален, стоял диван, на котором все жители квартиры и гости устраивались рядышком, и смотрели телевизор.

Мы с Надей жили, душа в душу. Я была покладистой и верной подругой. То же самое получала от нее. Мы без боязни делились секретами. И каждая была уверена, что никто из посторонних не узнает о них.

Надя страдала от неразделенной любви к моему брату-красавцу. Я знала об этом тайном чувстве подруги. Та сразу же менялась в лице при его появлении. Но никому не выдала сердечной тайны подруги, хотя и намекала брату, чтобы обратил внимание на нее. Но мои намеки так и остались в воздухе.

Каждый раз при встрече с нею я знала, каким будет ее вопрос после приветствия:

– Как там Вова? Когда он приедет?

Я что-то отвечала, она радовалась или расстраивалась. И все равно с надеждой и ожиданием смотрела в ту сторону, откуда мог показаться он.

Мне было больно от ее страданий. Но ничем не могла их облегчить. Вове она тоже нравилась, и всякий раз, как он приезжал к родным в станицу, их тянуло друг к другу. Они почти

всегда оказывались рядом на скамейке, смотрели с обожанием друг на друга. Но он не был способен на подлый поступок.

В те годы у него появились более глубокие потребности, чем просто сходить с девушкой в кино и потом проводить ее домой. Он учился и жил в городе, который часто развращает психику молодежи. Там много доступных женщин и увеселительных заведений. Зачем же пудрить мозги честной девочке?!

Мы с удовольствием слушали музыку и хорошо пели. Причем, почему-то, даже внезапно заводя какую-то песню, выбор был одинаковым. Одно и то же нас волновало и расстраивало. В то время по приемнику слушатели часто просили исполнить Полонез Огинского.

Мы тогда безмолвно смотрели на приемник, подперев руками голову. И, слушая любимую мелодию, прокручивали свои жизни через призму этого шедевра.

Еще мы в окружении станционных друзей ходили в клуб на просмотр фильмов. Как-то посмотрели фильм «Трембита». И всю дорогу из станицы до дома копировали слова, жесты и песни из фильма.

Особенно правдоподобно это получалось у Нади. В то время была мода на клетчатые рубашки. Надя была в такой рубашке и так комично копировала героев фильма, что мы с ребятами со смеху падали всю дорогу.

Но чаще всего фильмы смотрели в вагоне-клубе, которые в те годы бороздили дороги – пути с остановками на маленьких станциях. Тогда уже любимыми фильмами наслаждались по несколько раз. И знали диалоги наизусть. И опять смешнее всех киношные герои – Сметана, Шурик или Бумбараш – выглядели именно в исполнении Надежды.

Говорят, бедняк думками богатеет. Все мы с друзьями были из простых рабочих семей. И часто шутили:

– Оль, а что бы ты сделала, если вдруг ни с того, ни с сего разбогатела?

– Это как?

– Ну, например, выиграла бы в лотерею целый миллион рублей!

– Ого! Нам никогда в лотереях не везло.

– А вдруг?!

– Самое главное, мы бы купили дом с садом и огородом. Все в него. Может, взяли бы машину. Вова выучился бы на водителя.

– А что еще?

И мы начинали общими усилиями придумывать, что необходимо человеку для полного счастья. Но так и не могли сразу истратить весь свалившийся на голову вымышленный выигрыш. Тогда приступали «покупать» подарки для родных и близких. В те годы запросы у нас были мизерными: только самое главное.

Как-то глубокой осенью я задержалась на совете дружины в школе. Чтобы сократить путь домой, пошла не по проезжей части дороги, а напрямик по полю, израненному снарядами во время войны. То тут, то там виделись котлованы от взорванных бомб, заросшие травой. Они представлялись мне естественными памятниками человеческой жестокости.

Я шла по полю и на ходу обдумывала, как страшно и трудно было выжить в войну, когда вокруг стреляют, убивают и бомбят. Каким же надо было быть счастливым, чтобы избежать участи многих миллионов погибших во время этой страшной войны?!

Мой дедушка во время войны работал заведующим почтой в этой станице. А мама, тогда еще семнадцатилетняя девушка, разносила похоронки и письма от солдат адресатам. Жили родные на том самом месте, где теперь стояли школьные мастерские. И нынешние одноклассники сейчас там мастерили лавочки, топоры и табуретки.

В войну немцы стояли в нескольких шагах от почты. И на месте нынешней школы они хоронили своих погибших солдат. Кирпичный туалет теперь находился во дворе слева, позади школьного здания. Зимой, когда девочки во время перемен гурьбой направлялись в его сто-

рону, на них набрасывались со снежками мальчишки. Стоял девчачий визг, гвалт. Некоторые школьницы так и возвращались в класс, не попав в туалет.

Потом во время урока, краснея, они отпрашивались у учителей по разным придуманным причинам: то к директору срочно надо сходить, то воды попить, то еще по какой-то другой причине.

В моем характере выделялось много мужских черт, одной из которых было отсутствие желания визжать или поддаваться мальчишкам хоть в чем-то. Когда они нападали, я кому-то подножку подставляю, кого-то сама снегом забросаю, от кого-то увильну, кому и синяк под глаз поставлю. Но все равно пройду туда, куда надо.

И вот теперь я шла по полю и думала:

– Зачем, интересно, Бог повторно повернул жизненную дорогу матери в эти места? Может, она что-то не довершила здесь, пока была молодой? И теперь должно что-то измениться в ее судьбе! Мама рассказывала, что у нее в годы войны был парень, с которым она в мечтах связывала свое будущее, но он погиб под Ленинградом. Или, может, это знак для меня?

Размышления были прерваны глухим отзвуком шагов обгоняющей меня новенькой девчонки с хвостиком из параллельного класса. Я впервые увидела ее вблизи. Поэтому внимательно осмотрела ее. Большой открытый лоб, умные, прозорливые глаза. Несколько тусклые волосы выглядывали из-под неопределенного цвета шапочки.

Девчонка от быстрой ходьбы покраснела, на лбу выступил пот, хотя продолжала держать руки в карманах широко распахнутого длинного пальто. Мы просто улыбнулись друг другу, и каждая продолжила ходьбу в своем темпе. Мне понравился открытый взгляд новенькой, захотелось с нею подружиться.

Провожая ее взглядом, я невольно перевела свой взгляд на свое донельзя укороченное своими собственными руками пальто: лишь для того, чтобы не выглядеть старомодной. И мне вдруг стало не по себе. Живя во время мини-юбок и беленьких носочков, эта девчонка не постеснялась показаться немодной в своем длинном пальто. А я свое новое пальто укоротила так, что из-под него бессовестно выглядывали мои совсем не идеальные ноги.

На следующее утро я проснулась в хорошем настроении. На улице накрапывал мелкий дождик, постукивая по подоконнику. А сквозь тучи то там, то тут пробивались солнечные лучики. Я восторгалась такой погодой. И всегда отмечала чистоту и блеск от влаги, подставляя ей свои лицо и руки.

Все школьники готовы были отправиться в школу, когда двери соседнего барака открылись, и вышла вчерашняя новенькая. За нею следом выбежали две ее сестренки примерно восьми и пяти лет. Они стали прыгать вокруг старшей сестры и, видно, тоже радовались мелкому дождику. Старшая и средняя сестры поравнялись со мной:

– Вижу, тебе нравится дождик? – Просто сказала новенькая и протянула руку, – Ира.

– Оля.– Я пожала ее руку.– Обожаю, когда моросит дождь. Вся природа омывается тогда и блестит! Кому такое не понравится?

– Давно хотела познакомиться, но все как-то не получалось.

– И мне. Ты же вчера меня стремительно обогнала на поле...

– Тогда не до знакомства было. Я очень спешила. Маме в ночь на работу. А сестренки остались бы без присмотра. И главное, без меня и моей сказки на ночь они даже заснуть не могут, – пояснила Ира.

При этих словах старшей сестры Надя покраснела.

Новая знакомая рассуждала и вела себя совсем по-взрослому. Мне показалось, что есть в нас что-то общее. И оно обязательно сблизит, сделает друзьями.

Разговаривая, мы продолжали не близкий путь в школу.

– Оль, ты здешняя? Или откуда-то издалека приехала? – Поинтересовалась Ира, отбросив рукой с лица намокшую челку.

– Мы из Грозного.

– Вы – это кто? – спросила она.

– Я, мама и старший брат.

– А-а. Симпатичный брюнет с голубыми глазами – это твой брат? – Оживилась Ирина.

– Да. А ты откуда его знаешь? – удивилась я.

– Я не знаю его! Просто видела несколько раз. И все, – покраснела новая знакомая.

Она на миг замолкла. В ее душе шла борьба между любопытством и воспитанностью. Первое взяло верх.

– Извини, а что же вы без отца? Матери ведь одной трудно обеспечивать семью и справляться с вами.

Я помолчала. Но, будучи натурой открытой, сказала:

– Ничего, выдюжим. Мы с мамой от него уехали!

Установилось безмолвное молчание. Слышны были лишь наши шаги и шуршание мокрой от дождя травы под ногами. Через промежуток времени, поборов в себе тяжелые воспоминания, я с долей пафоса произнесла:

– Зато теперь никто не мешает нам спокойно спать по ночам! Мир стал для нас цветным и ярким. А раньше виделся больше в черно- белых тонах.

Ира поняла: в семье не все было гладко, если мать отважилась бросить мужа. Видно, не зря говорят: не всегда жизнь бывает в виде цветущего сада. Иногда в ней, как и везде в природе, встречаются сорняки и колючки.

Надя в эти дни занималась подготовкой к предстоящим выпускным экзаменам. Мы с Ирой все больше свободного времени стали проводить вместе. Обе любили читать. Потом обменивались впечатлениями, мечтали, делились девичьими секретами. Как раз был возраст, когда каждый шаг казался событием, время первых влюбленностей и потерь. Всерьез мы никогда не ссорились.

Подруга – она ведь на то и подруга, что нужна всегда, как воздух, со своим оптимизмом, иронией, критическими замечаниями и сильным, решительным нравом, которые иногда встряхнут и на место поставят. А в трудный момент поддержат, не дадут пасть духом. Рядом с друзьями жизненные проблемы становятся рядовыми случаями, а радость ощущается сильнее в два раза.

Я всегда была в кругу друзей. На праздник 8 марта ребята дарили мне больше всех сувениров, цветов и подарков. Некоторых друзей я даже упрашивала подарить свой сувенир не мне, а кому-то из обделенных подарками подруг.

Так своей просьбой преподнести подарок не мне, а новенькой девочке Ире, я сдружила ее с Мишей, сыном материной подруги тети Вали Булкиной. Он уже учился в ПТУ, появлялся на станции только во время каникул, отличался добротой, скромностью и порядочностью.

Но его знаки внимания я не воспринимала всерьез. Не все хорошее, что блестит. -Мне по душе были хорошо знакомые уличные мальчишки моего возраста, с которыми складывались просто дружеские отношения.

Я тогда дружила с Витькой. Он жил в том же станционном бараке, что и наша семья. Дружба заключалась в том, что мы сидели рядом во время игр, ходили вместе, он оберегал меня от неприятностей. Я всегда чувствовала на себе его обожающий взгляд, греющий душу. И гордилась, что имею такого друга. А когда друзья расходились по домам, я позволяла ему положить свою руку на плечо, как бы обнять меня.

Но если мне хватало его обожания и взглядов, ему хотелось чего-то большего. Он как-то попытался поцеловать меня, за что схлопотал пощечину. И некоторое время мы тяжело

переживали разлад. Он одиноко бродил мимо моих окон, я горделиво старалась не замечать этого. И оба переживали.

Как-то вечером Ира взялась за нелегкое дело – примирение двух страдающих друзей.

– Не я его обидела. И не буду мириться с ним первой. Пусть поймет: не все в жизни случается так, как ему только захочется. Иногда надо считаться с мнением или желанием других, – кипела я от обиды.

– Да не переживай ты! Я просто поговорю с ним. Ты ведь не просила об этой услуге, я сама вызвалась. Но, если честно, зря ты кипятилась: он тебя любит, хотел всего лишь поцеловать. А ты всполошилась, будто что-то страшное могло произойти.

– А лезть с поцелуями ты считаешь не страшным? Я не собиралась с ним целоваться. Ладно, он уже взрослый, а я еще школьница. Мне и без этого хорошо. – Я провела рукой по губам. – Да я никогда ни с кем и не целовалась, – застеснялась я.

– Зря ты противишься. Это очень даже приятно. Когда Мишка меня целует, кажется, кровь во мне вскипает.

– А я не хочу, чтобы кипела моя кровь. Мне хорошо уже от того, что он рядом. Ценит дружбу и заботится обо мне.

Ира вытянула губы трубочкой:

– Ну, я вижу, ты его не любишь. Когда любишь, каждое прикосновение любимого парня кажется приятным. А ты сейчас просто переживаешь, что осталась без любимой игрушки.

Ирина вышла на крыльцо барака, где маячила одинокая фигуры Вити. Я стояла у окна и наблюдала за ее разговором с парнем. Они сначала громко разговаривали, потом стали говорить шепотом. И вот перед моими глазами возникла нелицеприятная картина: переговоришки целовались, сидя на лавочке под моим окном.

Я ушла в другую комнату, чтобы не видеть этой картины. И заплакала навзрыд.

Но, странное дело, выплакавшись, долго на подругу не обижалась. И обвинила в этом поступке своего бывшего приятеля Виктора, а не ее. А выплакав всю боль за несколько дней, я тут же рассталась и с обидой.

Теперь уже и сама увидела, что он не красивый, грубый и неотесанный. И не могла понять, что я в нем нашла, когда дала согласие на дружбу?! Он не был для меня ни образцом, ни предметом особенных чувств. Ира была права, я его не любила, просто считала своей собственностью.

Несколько дней мы с Ирой старались не попадаться друг другу на глаза. При этом продолжали хорошо учиться в школе и участвовать во всех мероприятиях, проводимых в ней. В середине октября, когда осень уже хозяйничала за окнами, в хорошо натопленную школу пришла работница совхозного клуба и пригласила постоянных активисток принять участие в выступлении хора перед односельчанами в ноябре.

Оглядела девочек и спросила:

– Я могу надеяться на исполнение вами еще и любимых песен наших селян?

Мы закивали в знак согласия головами.

После двухнедельных репетиций наступил день выступления. Мы с утра ходили стайкой по школе, чувствуя волнение и прилив сил. Предвкушение чего – то особенного не давало покоя. Среди выбранных номеров для концерта было выступление Иры. Я диву давалась всегда, когда та выводила любую мелодию чисто и мелодично при заикании в жизни.

Выступление было назначено на восемь часов вечера. Для нас это было слишком позднее время. Родители не были в восторге от такого расклада. Хорошо хоть шли мы в центр станицы не поодиночке, а гурьбой.

За час до начала концерта мы, маленькие артистки отправились вчетвером через изранное поле, где за каждым кустиком нам бы мерещились неприятности, будь каждая из нас поодиночке. А вместе, оказывается, и бояться не так страшно.

По дороге я поведала Ире, какие бои происходили в семье, когда родители жили вместе. Ира произнесла тогда банальную вещь:

– Да, уходить быстро и красиво, с высоко поднятой головой могут только герои романтических мелодрам. В жизни развод родителей – это процесс скандалов, оскорблений и потасовок. Причем, очень долгий. После одной из таких стычек, отец вырвал меня из рук матери и швырнул на пол, как ненужную вещь. И теперь вот я заикаюсь. А виной всему жестокость отца.

По ее щекам катились слезы. Она вытерла их с лица рукавом:

– Как видишь, причины появления на этой станции у нас сходные. Вы приехали из Чечни, мы с Урала. Разница только в том, что моя мама нашла достойного мужчину и теперь не одна нас воспитывает. Он нас троих за родных детей считает. И заботится о нас лучше родного отца. Твоей маме будет труднее.

Мы шептались, взявшись под руку, и сильно отстали от маячащих впереди силуэтов Тани и Наташи. Некоторое время после доверительного разговора стояла пронзительная тишина, прерываемая нашими всхлипываниями или необходимостью вытереть непрошенные слезы.

Ира, наконец, взяла себя в руки, и улыбнулась:

– А вообще, несмотря ни на что, надо радоваться жизни. Даже небеса тогда будут с нами.

Веселясь, мы радуем наших ангелов, очищаем свою ауру и улучшаем жизнь. Беспокойство преграждает путь птице счастья к нам, и отравляет нашу жизнь!

В эту минуту она казалась действительно счастливой и беззаботной.

– Что еще за птица счастья? Откуда ты узнала про нее? – удивилась я.

– О, это длинный разговор. Скажу только имя писательницы, кстати, совершенно молодой. Это Наталия Правдина. Она удивительно светло и по-доброму пишет свои книги. После их чтения жизнь наполняется смыслом. Хочешь, дам почитать? Там у нее и про птицу счастья прочитаешь.

Кивок и мои горящие глаза были ответом на вопрос.

Мы стали вглядываться в темные силуэты, маячащие впереди.

– Надо девчат догнать, а то они что-то совсем притихли, – сказала я.

– От страха прижались друг к другу, как родные, – согласилась подруга. И засмеялась:

– Думаю, вместе нам будет легче бояться!

Мы со смехом захватили подружек под мышки, когда догнали. И спросили в один голос:

– Что, страшно?

– Еще как! А вы отстали от нас, и стало вообще невмоготу.

Во время выступления мы стояли рядом. И издалека казались сестрами. Обе одного возраста, роста и комплекции. Еще и с хвостиками.

Концерт прошел успешно. Мы хотели уже уйти. Нас попросили задержаться. После поздравления всех собравшихся с праздником Октября директор совхоза вручил многим активистам грамоты. А 11 человек, помимо грамот, получили путевки на короткую экскурсию в Ленинград. В том числе и мы с Ирой.

Когда мы уже подходили к дороге, по которой намеревались отправиться домой, нам встретилась стайка явно подвыпивших ребят. Они гоготали, как кони, свистели и, требовали остановиться для разговора. Мы некоторых ребят узнали. Ничего хорошего от этих подонков ожидать не стоило.

Ира, как самая смелая из подружек, заикаясь, и все же строго сказала:

– Идите, парни, своей дорогой! Нам не по пути!

– Еще как по пути!

Они, явно не собирались отставать от нас. Их дыхание и перегар ощущались близко за спиной.

– Бежим!?

Мой громкий крик долго звенел в ушах у каждой из подружек. Мы неслись теперь друг за другом по улицам станицы, казалось, со скоростью ветра. Ребята тоже были, видимо, не из слабых. Топот за спиной ослышался постоянно. Крики с гиканьем пугали нас не на шутку.

Когда силы были на исходе, Таня громко крикнула:

– На соседней улице живет моя бабушка! Сворачивайте направо! – и побежала вперед:

И вот, наконец, бабушкина покосившаяся от времени хатка с такой же дряхлой, как и само жилие, лавочкой возле нее.

Последней из нас во двор заскочила Наташа. Быстро закрыла калитку на крючок. Чтобы не расстраивать бабушку, решили сказать ей, что зашли просто воды напиться. А сами дышали, как загнанные на скачках лошади.

– Эх, молодость, молодость! Знаю я вашу воду! – прошамкала она и нежно погладила свою внучку по приклоненной к ней голове. – Вы осторожней-то в такое позднее время шастайте. Фулюганов щас на каждом шагу встретить можно!

Мы переглянулись. Когда отдохнули и собрались снова в дорогу, старенькая бабушка вызвалась проводить до трассы. Мы отговорили ее:

– Нас много, никто не тронет.

Выйдя из бабушкиной покосившейся хатки, мы с прижатыми пальцами к губам чуть ли не на цыпочках поспешили прочь, с ужасом слушая бредовые разговоры хулиганов. В пустой полуразрушенной хате напротив бабушкиной развалюшки слышались их громкие голоса. Один из них, нецензурно выражаясь, предлагал:

– Как только выйдут, хватаем новеньких, ну этих, Ирку с Ольгой. И тянем сюда.

– А с остальными что?

– Пусть катятся своей дорожкой! Они нам не нужны!

– Это верно!

Они опять загоготали и затопали ногами, как кони при виде кобылы. Этот гогот резал слух еще долго, пока мы быстрым шагом удалялись от страшного места по дороге.

Было темно и очень страшно. Хорошо, хоть трасса периодически освещалась проезжающими машинами.

Со временем страх отступил. Впереди нас ждали великие дела. Все позади, надо просто пережить этот день. Назавтра было намечено отправление в дальний путь. За ночь мы должны собраться в дорогу.

Глава 3. Поездка в Ленинград

Поезд на станцию прибыл строго по расписанию. Все были в сборе. Вместе с группой ехала учительница русского языка Ольга Алексеевна.

Девочки разместились на четырех местах в купе и двух боковых, мальчики заняли все купе полностью. Ольга Алексеевна выбрала себе нижнее боковое место рядом с мальчиками. Оттуда легко будет присматривать и за девочками.

Поезд медленно тронулся с места и пополз мимо перрона, стоило тете Вале Булкиной отзвонить в колокол и показать машинисту желтый флажок. На столбе сидел отец Зои Шагровой, ввинчивал в патрон лампочку, вдоль вагона шла мама Иры, переписывала вагоны прибывшего товарного состава, на выезде из станции стояла моя мама с желтым свернутым флажком. Она показывала, что стрелки переведены, путь свободен.

В груди у меня защемило: я так любила все происходящее здесь, что трудно было со всем этим расставаться. Подобные чувства испытывали многие из попутчиков. Ира долго махала рукой своим двум сестренкам, стоящим одиноко возле барака.

Дорогой Ольга Алексеевна много рассказывала о Ленинграде, пережившем страшную почти годовую блокаду, о залпе Авроры, начавшем эру большевиков. Мы с девочками без умолку тараторили о мечте быть счастливыми.

На эти высказывания из соседнего купе отозвался Айларов Серега, когда ему надоело слушать наши разговоры:

– Самое главное счастье в жизни – это деньги. У меня отец богат. Я могу позволить себе почти все, что пожелаю! А что можете позволить себе вы? Вот ты, например, Оля, что можешь?

– Причем тут богатство, – возразила я. – Мы вообще о духовном богатстве говорим!

О книгах разговор, о кино, о театре. Я бываю просто счастлива, когда выберется свободная минутка, и я потрачу ее на чтение книги или поход в кино.

– Ну и глупая! Жизнь течет, как река. Надо пользоваться моментом и брать от нее все, что хочется. А ты все дома сидишь да чужие мысли читаешь!

– Чем тебе эти мысли не нравятся? – втиснулась в разговор Ира. – Надо больше слушать и смотреть, чтобы не наделать ошибок. Разве я не права?

– Человек должен жить своим умом! – огрызнулся Сергей.

– Да? А вот ты почему – то сейчас не свои слова сказал, а чужие, – с долей сарказма поддела Сергея Люда Туркова.

– Мало ли что и кто говорит. Что вы к каждому слову цепляетесь? – разозлился парень.

В разговор вступила Ольга Алексеевна:

– Ты, Сережа, не обижайся, но девочки правы: не в деньгах счастье. Человек красив своим трудом и мыслями. Главное, чтобы он был богат духовно.

Серега скривился:

– Кому нужна эта духовность? Ее в рот не положишь! У меня отец никогда не рвался много знать, а я еду в Ленинград не просто на экскурсию, а отдыхать так, как мне хочется. А что толку с Ольгиной или Иркиной духовности, если они даже булочку не могут купить лишней раз – средства не позволяют?!

– Ты прав, Сережа, лишь в своей наблюдательности: не все люди могут позволить себе исполнение любого желания. Но нельзя этим по глазам резать. В каждой семье есть свои причины стеснения в средствах.

Девочки недавно приехали в нашу станицу, они хорошие ученицы, достойные друзья. И вообще, почему ты решил, будто они не покупают всего, что им надо?! – удивленно устала своей взгляд в ученика Ольга Алексеевна.

– А он с них глаз не сводит, – одновременно сказали Оля и Люба. И, переглянувшись, прыснули в ладошки. Все вокруг понимающе заулыбались. Мы с Ирой покраснели:

– А чего за нами следить? Мы ни от кого не прячемся!

– Прямо, уж на вас и посмотреть нельзя! – втиснулся в разговор Серегин хвостик Сашка.

– Да ни за кем я не слежу! Очень надо! Недотроги нашлись!

Сергей отвернулся к окну. Я взялась читать книгу. Ира уставилась в окно. Остальные сделали вид, что забыли о разговоре. Каждый стал заниматься своим делом.

Ольга Алексеевна много рассказывала о городе, в котором мы должны были провести три дня. Она несколько лет назад здесь училась в университете. Студенческие годы позволили ей исколесить Ленинград вдоль и поперек. Она восторгалась его площадями, памятниками, музеями и даже методами застройки города.

– В Ленинграде, проектируя новые дома, с любовью и заботой относятся к окружающей природе. Вырубается деревья только под строительную коробку дома. Зато после приема в эксплуатацию дом не стоит на голом месте, а окружен лесным массивом. Здесь тебе и лавочки, и песочницы для детей сразу предусматриваются. Ленинград занимает первое место в стране по озеленению.

Уже на подступах к городу-герою учительница предупредила нас:

– Минуту внимания, ребята. Выслушайте мое последнее, и, думаю, немаловажное, предупреждение. Потом будет некогда этим заниматься. Запомните, когда пойдем в

Эрмитаж, ходите по залам тихо, переговаривайтесь шепотом. Больше слушайте экскурсовода, меньше рассуждайте вслух. Это, чтобы мы не выглядели там белыми воронами. Искусство требует тишины.

Поезд приближался к конечной остановке. Пассажиры зашевелились, стали готовиться к выходу. Мы поселились в гостинице, немного отдохнули и в тот же день отправились на экскурсию в музей. Немало времени прошло, пока смогли купить входные билеты в него.

Началась экскурсия с самого входа. Девушка – экскурсовод спросила:

– Вы читали сказку Гоголя «Ночь перед Рождеством»?

Кто-то из ребят ответил:

– Читали, конечно.

– А раз читали, помните, как добрый украинский кузнец Вакула, в поисках черевичек для своей капризной невесты, какие носит сама царица, попадает во дворец к императрице Екатерине?

«Что за лестница! – шептал про себя кузнец, – жаль ногами топтать. Экие украшения! Боже ты мой, что за перила! Какая работа! Тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!.. Что за картина! Что за чудная живопись! – рассуждал он, – Боже ты мой, какие краски! Тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь, да бакан.

– А помните, ребята, что ему во дворце понравилось?

Все молчали. Ира и я переглянулись:

– Кажется, дверная ручка, – прошептала я.

И такой же тихий ответ Иры:

– Она была из меди, если мне не изменяет память.

Мы тихо разговаривали между собой. Но в огромном зале Эрмитажа шепот услышали все товарищи и девушка-экскурсовод:

– Вот-вот! Вы, девочки, совершенно правы. Вакула тогда воскликнул, подходя к двери и шупая замок: «Сколь ни удивительны сии малеванья, но эта медная ручка еще большего достойна удивления».

Слово «Эрмитаж» значит как «место уединения». Это императрица Екатерина II устроила для себя во дворце уютный уголок «для душевного спокойствия и приятных удоволь-

ствий». Он занимал множество обширных залов. Хвастаясь своим Эрмитажем, Екатерина писала своим заграничным друзьям: «Всем этим любят только мыши и я».

Позже Эрмитаж был назван «Императорским музеем». Иностранцы приезжали любоваться картинами и статуями, которые уплыли из их стран. А русские люди могли только мечтать о том, чтобы взглянуть на удивительные сокровища.

Наконец, дворцовые власти разрешили доступ публике, но только «пристойно одетой». Но по-настоящему народным Эрмитаж стал только после революции, тогда двери его широко распахнулись для всех желающих! Нелегко оглядеть все триста залов музея за один раз. Одна только картинная галерея Эрмитажа занимает около 125 залов.

Экскурсовод водила нас по музею из зала в зал и рассказывала обо всем. Она говорила, что самое интересное начинается тогда, когда придешь сюда в третий, четвертый, пятый раз. Когда среди этих картин появляются свои любимицы.

Вот, например, величайший из голландских художников – Рембрандт. Он помещается отдельно. У нас в Эрмитаже находятся лучшие из портретов его кисти, его прекрасные гравюры и известные всему миру картины: «Возвращение блудного сына», «Даная» и другие.

Картина «Возвращение блудного сына» была написана в последние годы жизни мастера, когда он был уже немощным, старым, нищим и голодным. Она излучает тепло именно его палитры, мерцающая светотень подчеркивает фигуры главных героев.

В каждом музее есть отдельные сокровища, главные жемчужины, к которым особенно тянутся люди. Вот, например, два шедевра великого Леонардо да Винчи: «Мадонна Литта» и «Мадонна с цветком». Эти женщины-матери совершенно разные.

Совсем молоденькая девочка, Мадонна с цветком весело и бездумно играет со здоровым мальчуганом. Должно быть, художнику захотелось, не задумываясь над древними легендами, просто изобразить живую радость матери. Маленький Иисус совсем не похож на бога, и его мать – на святую.

А рядом совсем другая мать. Она заботливо и задумчиво склонилась над крошечным сыном. С великой любовью и грустью смотрит она на него, как бы предчувствуя, какая суждена ему большая и тяжкая судьба. Посмотрите в глаза этого ребенка: мудрые, совсем недетские глаза. Легенда о Христе воплощена здесь с большой силой. А мы с вами видим на картине дивный, незабываемый образ матери, любящей и встревоженной, нежной и печальной.

Вскоре девушка-экскурсовод подвела нас к картине И. Репина «Иван Грозный убивает сына».

Вздыхнув, она произнесла:

– Едва ли можно найти картину Репина более знаменитую, чем эта.

Царь Иван Грозный убил своего сына Ивана, тем самым он прервал династию Рюриковичей. Момент прозрения и осмысливания содеянного предстает перед нами во всем трагизме. Царь в панике. Мы видим перед собой не самодержавного правителя, а обезумевшего от горя и ужаса старика. Крепко вцепившись в мертвое тело сына, он пытается закрыть рану на его виске, из которой еще бежит алая кровь. Он отчаянно пытается поправить то, что никто поправить уже не может..

Атмосферу липкого ужаса довершает обстановка царских покоев: красные ковры, опрокинутое кресло, орудие убийства – царский посох, красные стены. Создается впечатление, что кровь везде.

Да, настоящие художники всех времен – это еще и чудесные психологи в своем роде.

– Взять, к примеру, картину «Утро в сосновом лесу» – одно из ярких произведений кисти И. Шишкина. Тут восхищение природой растительного и животного мира. Здесь все гармонично. Зеленые, голубые и ярко-желтые тона создают эффект едва проснувшейся от сна природы.

На заднем плане можно увидеть яркие золотистые оттенки – это намек на пробивающиеся лучи солнца. Они придают картине торжественную атмосферу. По земле еще клубиться туман, изображенный довольно реалистично, и, если сосредоточиться на этой детали шедевра, то можно почувствовать утреннюю прохладу.

Картина настолько реалистичная, что кажется, будто бы это не шедевр кисти, а снимок лесного пейзажа. На переднем плане поваленная с корнем сосна, на которую взбираются медведи. Они резвятся, вызывая положительные эмоции. Для них утро нового дня является настоящим праздником.

Медвежата так добры и безобидны, словно приручены. Кажется, что они не способны на жестокость и совсем не хищны, несмотря на свою животную природу. Главный акцент картины – это сочетание солнечного света на заднем плане и медведей на дереве на переднем.

Мы с Ирой шептались:

– У меня от правдоподобия природы вдруг появилось желание оказаться в тени лесных деревьев, – шептала я.

– Я сама смотрю на картину и мечтаю оказаться в этом густом сосновом бору, побродить по влажному моху, всей грудью вдыхая запах терпкой хвои, с радостью взбираться на ветки, как изображенные на картине три медвежонка под пристальным вниманием медведицы.

А девушка продолжила:

– Спокойная и полная добра и света картина, как и все его шедевры.

Мы кивнули в знак согласия головами.

– А знаете ли вы, какая у художника была трагическая судьба?

Мы недоуменно пожали плечами.

– У него обе жены умерли рано, затем два сына, чуть позже отец. Да и он умер у себя в мастерской совершенно странной смертью. Все было, вроде, нормально. Он с утра поработал, потом проведаль родных. А, вернувшись в мастерскую снова, вдруг упал на пол. И умер.

Далее нас подвели к картинам Айвазовского:

– Мальчик любил рисовать с детства, но семья была бедной. И только, благодаря помощи градоначальника Феодосии Казначеева, Айвазовский получил образование.

В 1838 году Иван Константинович Айвазовский отправляется на два года в Крым, знакомится с будущими морскими героями России – Нахимовым, Лазаревым, Корниловым. У него появляются не просто морские этюды, как во время обучения, а картины-баталии.

Николай I приобретает для музея его знаменитую картину «Девятый вал». Изображенное после ночной бури море, едва переведя дух, должно встретиться с девятым валом. По легенде, именно он – апогей штормов. За обломки мачт корабля цепляются выжившие изнемогающие мореплаватели. Озаренное рассветным солнцем небо словно сулит им победу. Такие произведения создаются в счастливые моменты творческого подъема

Я всегда любила морскую тему. И до корней волос была поражена этими картинами. Море выглядело таким, каким я видела в штиль или в шторм. У меня тревожно забилося сердце, как при просмотре хороших фильмов.

Мы продвигались все дальше и дальше по залам Эрмитажа.

Как видите, картин в залах бесчисленное множество. И написали их великие художники. Возле каждой картины всегда множество посетителей.

Буду рада, если кого-то из вас заинтересовал мой рассказ.

Из Эрмитажа вышли все взволнованные.

Следующие два дня мы были предоставлены сами себе. Каждый занимался тем, чем хотел: кто-то посещал театр, кто-то бродил по улицам города или катался на метро, кому-то нравилось ходить по магазинам.

Закрывающим событием был «Праздник Авроры», ради которого мы и приехали в Ленинград. Кульминацией этого торжества стало возвращение крейсера «Аврора» на историческое место на Неве у Николаевского моста, где в 1917 году прогремел исторический залп. Жители города были в восторге от этого события.

После возвращения «Авроры», в Неву вошли более двадцати кораблей Балтийского флота. Они растянулись на несколько километров до самого Смольного. Набережные вдоль реки были красочно оформлены и освещены. Все здания вечером вдоль Невы были озарены скрытым подсветом, и выглядели торжественнее, чем всегда.

Седьмого ноября в сумерки, несмотря на ненастье и дождь, на набережных Невы собралось огромное количество зрителей. Среди них были и мы.

В небе разлетались гроздьями огней множество красных ракет, горящих 1—2 минуты.

А в девять часов вечера на реке началось торжественное театрализованное представление.

На бастиях и стенах Петропавловской крепости 250 факелов взметнули багровые языки пламени в серое, закрытое тучами, небо. Из них пятьдесят – в знак пятидесятилетнего юбилея – были выше и мощнее других. Из самой Невы высоко в воздух поднимались пятьдесят мощных фонтанов, освещенных цветными прожекторами. Засветились огнями и знаменитые Растральные колонны – символ Питера!

С крейсера «Киров» зазвучали фанфары, а вслед за ними зрители услышали голос диктора: «Внимание! Внимание! Говорит Ленинград! Говорит Ленинград! Слушайте! Слушайте, что было в нашем городе 50 лет назад!».

И тут же в стихах начался рассказ о Смольном, штабе революции, о знаменитой пушке Петропавловской крепости и обо всех событиях того исторического дня.

Это было так торжественно. Души курсантов ликовали.

В девять часов 45 минут вечера, как и в революцию, над Петропавловской крепостью был поднят красный фонарь, и грянул залп «Авроры». Над Невой вспыхнул длинный красный луч, как бы соединяя крепость с самим крейсером.

По Неве от Литейного моста двинулась флотилия, над каждым кораблем было по флагу одной из союзных республик СССР. Их сопровождали 15 катеров с выстроенными на борту экипажами. На всех катерах тоже развевались на ветру республиканские флаги.

Вдоль набережных реки стояли курсанты артиллерийских училищ. Они держали в руках ракетницы и пиротехнику. По сигналу они нажимали на спуск и над Невой, словно радуги, загорались величественные и разноцветные огненные арки.

Корабли были украшены золотистыми лампочками и только «Аврора» – центр торжества – выделялась красным цветом. На ней были подняты флаги всех союзных республик. А в небо на аэростате взмыло огромное полотнище с портретом Ленина, освещенное мощными прожекторами.

Зажглось и засверкало над водой огромное солнце – символ новой эры человечества Его высоко подвесили на плавучем кране! Небо озарилось разноцветными фейерверками! После этого представления до глубокой ночи над Невой шел концерт – артисты пели песни и декламировали стихи о Ленинграде, о блокаде, о жителях города. И только, когда все на воде замерло, ленинградцы неохотно стали покидать мокрые набережные, унося с собой дух праздничной общности советских людей.

Наутро мы вместе с Ольгой Алексеевной, полные впечатлений, на поезде «Ленинград-Баку» с сожалением покинули полюбившийся город. Кто при продвижении поезда по городу делился своими эмоциями от путешествия, кто читал книгу.

Я, Ира и Люда, разглядывали через окна мелькающие улицы города, наблюдали за спешащими на работу ленинградцами. Праздник праздником, а работа работой. В годы социализма

придерживались принципа:» Раньше думай о Родине, а потом о себе». Мы, шутя, называли себя «абэвэшками»: всегда были вместе, а учились в разных смежных классах.

Я сказала:

– Так жалко покидать город. Кажется, за несколько дней целая жизнь здесь прошла. Столько событий произошло, столько эмоций.

Ира откликнулась:

– Я как раз об этом же думаю.

– Хорошо, что мы попали в число экскурсантов. Такое событие, что мы видели вчера, вряд ли кто из нас забудет. Я в полном восторге от города, его музеев и даже жителей, – подержала Люда.

– Помните, как мы здесь заблудились, и не могли найти дорогу в гостиницу? Тогда совсем незнакомый парень поехал вместе с нами на метро, хотя собирался ехать совершенно в другую сторону, показал нам точную дорогу. И лишь потом отправился туда, куда ему надо было.

Я тогда даже растерялась. Не могла сопоставить действия этого ленинградца с поступками москвичей, к которым мы с родственниками не раз обращались за помощью. Ни один из москвичей даже не остановился, когда его просили что-нибудь объяснить или показать. Частым ответом было:» Понаехали тут всякие! Пройти свободно не дают».

– Такое не забудешь, – улыбнулась я.

– Да, между москвичами и ленинградцами полный контраст. Страна одна, а люди совершенно разные.

Парни уже давно перестали болтать между собой и прислушивались к нашему разговору.

– На всякую ерунду вы, девчонки, обращаете внимание. Какая разница, кто подсказал дорогу, а кто нет. Может тот москвич просто спешил. Или не москвич был вовсе. А вы с родственниками надоедали ему с расспросами?! – возразил Айларов.

– Может, но мы не у одного спрашивали, – пожалала плечами я.

– Вы вот скажите мне лучше, какие подарки домой везете? На память о городе что-нибудь купили? – с неизменной ухмылкой спросил все тот же Айларов.

– Конечно, открытки с видами, – как по команде, одновременно отозвались мы.

Люда в это время покинула свой наблюдательный пункт у окна. И уже сидела рядом с Ольгой Алексеевной:

– Мы были стеснены в денежных средствах. И самый главный багаж от путешествия остался в их головах, не в сумках или карманах.

Сергей ухмыльнулся и скривил губы в подобии улыбке:

– Хотел ведь вам, дурехам, помочь, побрезговали моим обществом. Все по музеям да улицам ходили. А я ребят водил в кафе, где даже туалет снабжен видеком. И там круглый год можно в любое время мультики смотреть.

– Интересно, конечно. Но не столь важно. Мы мультики и дома посмотреть сможем. Зато были на Сенатской площади, на Пискаревском кладбище. Столько эмоций! – улыбалась воспоминаниям Ира. – На одной из улиц мы видели надпись: «При артобстреле находится здесь». Это еще в войну для блокадников было написано.

– Тратить деньги на кафе мы не захотели. А вот в двухчасовую экскурсию втроем съездили! Вот это было чудо! – отозвалась я.

Я избегала лишних встреч или бесед с этим парнем. Еще с пятого класса после конфликта на уроке с посещением кабинета директора, у меня о нем сложилось не очень хорошее мнение.

– И как прошла поездка? – заинтересовался он.

В разговор вклинилась Ира:

– Прекрасно. Нам показали город, посвятили во многое из его истории. Ольга Алексеевна, была права: Ленинград находится на первом месте по благоустройству. Все новостройки лишь здесь ведутся в щадящем режиме. Деревья вырубаются только под самую стройку. Когда

дом бывает уже готов, он стоит среди высотных деревьев, а не на голом месте. Строители потом ставят лавочки и детские площадки. И живи, радуйся.

– Интересное дело, – вставил реплику Саша Тарасов, тихий и спокойный одноклассник. Когда рядом не было Сергея, он казался пай-мальчиком. Стоило появиться тому, мальчишка становился под стать другу: пошлым и несерьезным.

– Как они умудряются сохранить деревья? – пожал он плечами. – Было бы неплохо, получить квартиру там, где рядом парк, тень, грибы.

Ира подхватила:

– Мне еще понравились остановки городского транспорта со скамейками-качалками под навесом. Представляете, дождь или град вокруг. А ты себе спокойно качаешься на качалке, сухой и здоровый.

Снова подошла Люда:

– Что и говорить, не город, а сказка! Мне еще запомнились скульптуры в лесном массиве и столики со стульчиками вокруг них из пеньков. Прелесть! Пошли, например, с друзьями по грибы-ягоды. Устали, отдохнули цивилизованно. И отправились дальше.

Она немного помолчала, и добавила:

– Мне кажется, мы время здесь провели не зря. Даже в области побывали. Природные красоты растительного мира, разнообразный и постоянно меняющийся ландшафт местности, исторические и культурные места, – все это увидели и почувствовали сами, путешествуя по ней.

Ирина поддакнула:

– Взять, хотя бы пояс комплекса мемориальных сооружений, который был создан в память его героических защитников. Или «Дорогу жизни» – единственную, которая связывала полтора года блокадный город со страной во время войны через Ладожское озеро. Глаза наши сияли счастьем.

Мы отправились в путешествие, несмотря на запрет учительницы далеко и надолго покидать пределы гостиницы. Экскурсия по историческим местам длилась всего 3–4 часа. И вернулись с нее не позже тех ребят, что просто гуляли по городу или посещали парки, театры или кино.

Ольга Алексеевна сказала:

– Вот, смотрю я на вас и вижу, как вы повзрослели за эти дни и как плодотворно провели несколько дней, которые находились в Ленинграде. За самовольную экскурсию девочкам я лишь для приличия погрозила пальчиком. И даже рада была их плодотворному отдыху. Ну, сходили бы они на сеанс в кино. Мероприятие неплохое, но кино есть и в станции.

За всех нас отозвалась Ира:

– Вот и мы так решили.

– До чего все-таки красивый город. Нева и набережная так и стоят перед глазами.

– У нас много таких хороших городов. Но этот навсегда останется в умах самым главным, благодаря залпу «Авроры» и дедам, кто завоевал для нас ценой своих жизней такую действительность, при которой появилась возможность детям разных слоев населения бороздить просторы родной страны, – высказала свою мысль учительница.

Так в беседах и внезапно вспыхивающих диспутах прошла дорога домой.

Через двое суток поезд застучал колесами по стыкам рельсов в родных местах. Вот и пост моей мамы на стрелках, мать Ирины мы увидели возле формирующегося состава недалеко от станции. Показалась станция, заполненная нашими друзьями и родственниками. Каждый из нас, покидая вагон, попадал в чьи-то объятия.

Незабываемое путешествие закончилось. Но жизнь продолжалась. В ней было много всякого: и хорошего, и плохого.

Глава 4. Изменения в мое отсутствие

Мне нравилось жить в станице: там было много друзей – приятелей. Пока я была на экскурсии, что-то произошло в семье Нади. Ее родители переехали жить в поселок Садовый, а подругу забрала к себе бабушка, что жила на другом конце села. Мы почти перестали видеться. У нее появились новые друзья. Они всегда сопровождали ее, я без нее совсем заскучала, мне было плохо: не хватало ее шуток, понимания и внимания.

Ира дружила с Мишкой Булкиным. Причем, в основном, эти встречи проходили у меня в комнате. Они шептались, обнимались, целовались, а я сидела к ним спиной и готовила уроки на следующий день. Как-то Миша приехал радостный и говорит:

– Девчонки, я в автошколу записался, чтобы время зря не терять.

– А деньги откуда взял?

– Отец дал. Да там всего 80 рублей и надо было.

– И как? Тяжело?

– Вот и хочу рассказать о первом занятии. В группе набралось 20 человек, двенадцать из которых женщины. Инструктор долго смотрел на нас и, молча, шевелил губами. Потом горестно так говорит:

– Двенадцать женщин. Из них восемь блондинок...– Он вздохнул.– Я скоро вас столько выпущу на дорогу, что буду бояться не то что выезжать на автомобиле, но и просто выходить из дома.

– А чем это женщины ему не нравятся?

– В том-то и дело, что они сами виноваты. Он говорит, в прошлом потоке одна блондинка обиделась, когда он сказал:

– Выходите из машины. Вы не сдали экзамен.

– А чего это я не сдала? Я ведь еще и не заводила автомобиль.

– Да как же вы заведете его, если уселись на заднее сиденье?

Вскоре Миша был призван на службу в армию. Он писал моей подруге хорошие, добрые письма. Она иногда читала мне вслух выдержки из них. Летом мать Иры приобрела для дочери путевку в пионерлагерь.

У Иры тоже после поездки в «Бештау» под Мин-Водами появилась новая подруга Лена. Она даже к ней в гости приезжала. Все внимание Иры теперь принадлежало ей. У них появились совместные мечты, интересы. Даже песни они теперь пели свои. И вдвоем. Что-то надломилось во мне: наверное, я – плохая подруга, если все, кто был рядом раньше, разыскали себе новых приятельниц?!

Чувствуя себя одинокой и не понятой, я после возвращения из Ленинграда упростила маму разрешить учиться в школе-интернате в Моздоке. Станционные девчата так нахваливали тамошнюю жизнь, что своими доводами и рассказами увлекли и меня:

– Во-первых, это все-таки, хоть и маленький, но город с кучей магазинов и кинотеатров. – В комнатах нас живет по 4 – 5 человек. Есть, с кем поделиться сокровенным, попросить помощи или просто провести время. У нас много друзей и подруг с разных станций.

В интернате я провела всего одно полугодие. Мне не особенно понравилось шумное общество интерната. Его обитатели любили коллективное общение, и даже уроки учили все вместе. В коридорах всегда было шумно. Мне по душе было уединение.

Хотелось размышлять в тишине. Поэтому устные предметы я учила, гуляя по аллеям интерната. И, вспоминая станичных друзей, я тоже бродила по этим же местам в одиночестве.

Я всегда отличалась доверчивостью. Когда Таня Булкина попросила занять у воспитательницы три рубля для нее, я согласилась. Но она деньги вовремя не отдала, как обещала. И виноватой осталась я:

– Олюшка, ты хорошая девочка. Но запомни, раз и навсегда: никогда не занимай денег для кого-то. Таня очень тяжела на отдачу: деньги берет, а отдавать не собирается. Поэтому ей уже все отказывают, – сказала тогда эта воспитательница.

И я надолго запомнила преподнесенный урок.

Вскоре я снова вернулась в сельскую школу. Здесь узнала страшную весть:

Надя – теперь уже первокурсница одного из грозненских институтов – пережила забываемую драму до моего отъезда в Моздок, когда возвращалась из клуба в одиночестве. Ее тогда изнасиловал вернувшийся из заключения старший брат «тоннуши».

Все мы, станционные, называли эту девочку так за ее тяжелую фигуру. И всегда старались избегать общения с ней, не принимали в игры, часто подтрунивая над ее неказистой фигурой и совсем не детскими движениями.

Я корила себя за эгоизм и желание собственного удовольствия от путешествия в Ленинград, потом перевода в интернат Моздока. Как я могла забыть о подруге, погрузившись в радость, что была награждена поездкой!? Получается, я отвернулась от нее и потом, когда уехала в интернат вместо того, чтобы встретиться с нею и поговорить.

Надя тогда не заметила выглядывающего из-за угла сарая возле железнодорожного полотна Ваську, пьяного и злого. Совсем недавно она дала ему отворот – поворот, сказав на его настойчивое предложение дружбы:

– Прости, Вася, ты, наверное, хороший парень. Но я, во-первых, мало тебя знаю. А во-вторых, давно люблю другого молодого человека.

Тот другой, конечно же, был мой брат Вова.

Парень затаил обиду на нее. В ней красота дополняла ум и порядочность. Из всей семьи именно она выделялась умом, желанием учиться и собственным мнением.

Васька не раз пытался сблизиться с нею, избивал всех ребят, кто хоть раз оказывался ближе к ней, чем он считал допустимым. И по – пьяни он теперь решил: раз по согласию он не такой, то возьмет ее силой. Она будет только его и ничья больше. Давно пора понять, что прав тот, у кого сила. А сила на его стороне. Его самолюбие бунтовало, требовало удовлетворения. Она всего лишь игрушка для мужчин.

Когда в нем закипала низменная похоть к женщине, никакой разум не мог остановить его. Он оправдывал свои мысли и действия, отодвинув рассудок куда-то вглубь себя.

Одноклассница Люба потом рассказала подробности этого ужаса, осуждая отказ Нади:

– Васька ударил ее из-за угла деревяшкой по голове. Она потеряла сознание. Он затащил ее в сарай над железнодорожными путями.

Пока та была в бессознательном состоянии, разорвал на ней платье и опрокинул навзничь на земляной пол. При этом, на всякий случай, он зажал пальцами одной руки ее горло. Руки заламывать ей он не стал. Они и так безвольно висели вдоль ее тела.

– И ты считаешь, он имел на это право? Кто давал ему его? Надя отказала. Значит, он не в ее вкусе, – возражала я.

– В любви все способы хороши. Она не понимает своего счастья. Главное здесь – чувства мужчин, а мы должны только разрешать им себя любить.

– Чушь какая-то!

– Оля, не мешай! Пусть рассказывает! Что дальше-то было? – слышались возгласы любопытных.

– Так вот дальше... Когда он потянулся к нижнему белью Нади, та вдруг пришла в себя. Ужас происходящего до такой степени испугал ее, что мозг молниеносно заставил ее бороться. Она сопротивлялась из всех сил, поцарапала брату лицо и руки. Он ведь звал ее замуж. Чего ерепенилась? Ничего бы этого не было. И теперь вот отбивалась и кричала, несмотря на угрозы быть задушенной:

– Как тебе не стыдно? Неужели тебе все равно, что ненавижу тебя? Каждое твое движение ненавижу! – Ее обидные слова только подзадоривали взбешенного Ваську:

– Плебей! Грязный насильник! Отпусти, иначе снова окажешься в тюрьме!

– Молчи, паскуда. Я и только я буду твоим хозяином.– Ничто не трогало Васькино сердце. Он сильно желал ее. При этом бил ее и швырял, ударяя головой о стену, пока не получил желаемое. Нечеловеческий вопль вырвался из ее напряженного горла. А он трусливо зажимал поочередно своими грязными руками то рот жертвы, то горло:

– Заткнись, я и один, как видишь, с тобой справился. Я получил свое. Не помогли тебе ни гордость, ни ум. Я – твой хозяин. А ты – моя жертва. Теперь хоть вой, хоть, плачь, ты моя. Заткни теперь в одно место свои несбыточные мечты о другом! Я и только я – твой навеки! Где же твой любимый? Почему тебя не спасает?

Он лез к ней целоваться и тряс тело до тех пор, пока не обессилел. Наконец, алкоголь свалил его. Он кулем упал на пол. Надя забилась в угол, натянув на себя обрывки одежды. При этом слушала его омерзительный храп. Она не знала, как теперь будет жить. Мечты о прекрасном будущем с любимым человеком прервались в этот страшный вечер.

– Тварь! Жаль, меня не было рядом с ними. Я бы ему – гаду – показала желание... надолго бы он забыл о нем. Где ты тут видишь чувства? Кто любит, никогда не поднимет на любимую руку. А твой братец просто эгоист и садист в одном лице.

Потом я встретила с Сергеем:

– Я услышал плач, даже вой, вопли из сарая, когда шел домой.

Решил, надо узнать, что случилось. Заглянул туда. Надя с огромными глазами на лице, в слезах и крови, забилась в угол. Вся дрожит и воеет, как голодный волк на опушке. А этот поддонок распластался по земле с улыбкой на лице. Я помог сестре встать, несколько раз пнул его изо всей силы в бок. Он даже не шелохнулся. Довел Надю до дома, стараясь избегать встречи со знакомыми. Платье на ней разорвано, лохмотья, грязные и окровавленные, висят по сторонам.

– Пап, такое дело...

– Что-то случилось? – Не оборачиваясь, спросил отец. Он в гараже строгал дощечку для книжной полочки.

– Случилось непоправимое. Я Надю в сарае нашел...

Отец бросил работу. На лице его заходили желваки:

– Что с ней? Она жива?

– Жива-то, жива! Но Васька надругался над ней!

– Где моя доченька? Моя гордость и отрада!

– Да в комнате она. Сидит, молчит, только воеет страшно.

– Убью гада! Где он?

Мы отправились в злополучный сарай за насильником. Теперь уже вместе с отцом мы тормозили и пинали его. Он только мычал и беспорядочно отмахивался руками. Попытались поднять его, но тот опять сваливался назад. Тогда я отправился на станцию за его матерью.

Узнав о случившемся, его мать взмолилась, упав на колени:

– Ради Бога, не подавайте заявление в милицию. Он ведь и так травмированный. Я воспитывала детей одна. Из-за нехватки денег детдом был много лет его крышей над головой. Обещаю вам: я заставлю его жениться на Надежде. Тем более, что она ему нравится.

– О какой женитьбе может быть речь? Моя дочь терпеть его не может!

– Здесь разговор разве о любви идет? Женитьба избавит вас от позора, а моего сына от тюрьмы. Это ведь выход.

– Ну, не знаю. Это решать не нам.

– Кроме того, я насобирала небольшую сумму. Заберите эти накопления. Вам на небольшую хатку хватит. И уезжайте от позора подальше.

Никого не волновало в это время мнение. Нади. Легко сказать, жениться. Может, ему и безразлично, на ком жениться. А Наде было противно на него даже смотреть. Она ведь мечтала любить и быть любимой. А получалось, будет жить против своей воли с ненавистным человеком.

Такой дальнейшей жизни она даже в страшных снах не представляла, считая, что могла бы получить от жизни большего: жарких объятий с любимым человеком, долгожданных детей и безмерного счастья.

Несколько дней она не показывалась в институте. Она просто сидела на кровати, поджав под себя колени. И тупо смотрела в угол стены, что была перед нею.

Дома постоянно пилила мать:

– Ни о какой любви даже не мечтай!? Лучше подумай о позоре, каким покрыта сейчас наша семья. Стыдно даже нос показать на улицу. Каждый пальцем тычет в нашу сторону. Надо срочно менять место жительства. А денег-то нет.

Сергея вступался за сестру:

– О каком позоре идет речь, мама? Разве Надя кого-то убила или изнасиловала? Пусть стыдится семья Васьки, взрастившая подонка!

– Молчи! Ты мал еще, ничего не понимаешь! У меня, кроме нее, еще шестеро детей. Чего они могут ждать в будущем при такой репутации семьи?

Надина мать решила пожертвовать счастьем дочери ради дальнейшего благополучия семьи:

– Не смей перечить! – Возмущалась она на ее протест. – Подумай о нас! Мы можем купить жилье для семьи!

В один из дней на пороге квартиры появилась институтский куратор Нади.

– Как она? – спросила она у матери. – Говорит что-нибудь?

– А вон, посмотрите! Сидит днями и ночами, уставившись в стену. И молчит.

– Пойду-ка я поговорю с девочкой. Оставьте нас наедине хоть на несколько минут. Ей бы с психологом сейчас пообщаться. Да где его найдешь в вашей глухомани?! Люди ведь всегда по-разному реагируют на беду. Все зависит от нервной системы. У кого-то она тонкая, ранимая, как у вашей дочери. А другие оказываются толстокожими. Ничем их не прошибешь. Отряхнулись, и пошли дальше.

– Наденька! Милая! Ты меня узнаешь? Это я, твоя преподавательница. Посмотри на меня.

Девушка безвольно скосила глаза на посетительницу.

– Не молчи, девочка! Поплачь, выскажи мне свою боль. Тебе станет легче.

Затворница как ждала этих слов. Из глаз брызнули бесконечные потоки слез.

После взгляд прояснился, стал осмысленным:

– События того вечера притупили во мне желание жить дальше. Я и представить не могла, что следует предпринять, как вести себя с людьми.

– Надо продолжать жить, милая. Это не твой грех. Он за все потом ответит.

У Нади высохли слезы.

– Ну, вот и хорошо. Я не говорю: забудь все. Этого кошмара никогда не забыть. Просто прошу тебя, приезжай в институт. Не сдавайся. От этого зависит твое будущее. Я никому не позволю обижать тебя.

В школе же болтали всякое. Больше всего меня возмутило высказывание сестры насильника:

– Если бы сама не хотела, никто бы ее не изнасиловал.

– Ну и крыса же ты, Люба! В любви не должно быть насилия. А если бы с твоей сестрой такое сотворили?! – Я не могла смириться с ее хамством.

– У меня нет сестры!

– И слава Богу!

Как Наде не противно было каждый день видеть ненавистное лицо насильника возле себя, все же из-за наступившей от единственной связи с ним беременности дала согласие на брак, не видя другого выхода.

Жизнь устроена так, что приходит время, когда на смену играм в дочки-матери с подружками и просмотрам мультиков по телевизору приходит увлечение книгами о настоящей любви и путешествиях. Грезы о предстоящей неземной любви до гробовой доски все чаще стали появляться в моем сознании. Что интересно, я своим спутником на будущую жизнь видела капитана дальнего плавания или, на худой случай, летчика.

У матери появилась возможность получить бесплатно билеты для поездки с двумя детьми в любой из городов страны. Я убедила ее отправиться в Одессу, считая этот город райским уголком исполнения желаний. Сборы были недолгими. Город южный, поэтому не требовал большого количества одежды.

Поздним вечером к перрону подкатил долгожданный состав. Друзья помогли быстро погрузить поклажу. И только мы успели подняться в тамбур, держась за поручни, как поезд тронулся с места. Так как отдыхать мы ехали в самый жаркий месяц, в купе вдруг оказалось, что на одни и те же места были проданы билеты-двойники.

Вагон выглядел ульем, наполненным множеством людей. Даже на третьих полках сидели и лежали пассажиры. Мне с братом тоже пришлось почти весь путь проехать на третьих полках. Хорошо, в молодости всякие недоразумения не кажутся неразрешимыми.

Я лежала на своем месте, грезя и мечтая, когда услышала хихиканье брата, читающего купленную на недавней остановке юмористическую брошюру:

– Оль, а Оль! Послушай только, что о твоих любимых морях пишут:

– Идет торговое судно. Рядом всплывает подводная лодка. Из открывшегося люка появляется пьяный подводник и кричит:

– Эй, капитан, где здесь пролив Дарданеллы?

С торгового судна слышится:

– Зюйд-Зюйд-Вест держите. Не ошибетесь.

– Что ты все зююкаешь, ты мне пальцем покажи.

Мы с братом засмеялись. С нами вместе улыбнулись и пассажиры купе.

Вместе с нами ехала семья, состоящая из мужчины, его жены и двух дочек, которые всю дорогу тайно косили глаза на моего брата.

Мама девушек повернулась в сторону нашей мамы и спросила:

– И куда вы направляетесь, если не секрет?

– Да какие уж тут секреты! В отпуск в Одессу едем. Дочка спит и видит себя в этом городе. Даже нас с сыном убедила, что лучшего города в нашей стране нет. Детей воспитываю одна. Поэтому денег почти нет. Ну, хотя бы в морекупаемся.

– А нам в ней так понравилось, что приехав однажды на разведку, теперь каждый год приезжаем сюда в отпуск.

– Может, посоветуете, на что нам стоит обратить внимание, чтобы увидеть город во всей красе? – Спросила наша мама.

– Да, Одесса необычайный южный город с прекрасным климатом и множеством песчаных пляжей. Но не одно море здесь примечательно. Самое главное – посетите Дерибасовскую улицу. Не пройтись по ней, значить, ничего не увидеть в Одессе. Она здесь такая же важная, как Красная Пресня в Москве. На улице много зелени и цветов, кафе и ресторанов, сувенирных лавок и лотков с водой и мороженым.

В разговор вступила одна из дочек:

– Мороженое в Одессе очень вкусное. Попробуйте, не пожалеете.

Женщина улыбнулась и продолжила давать советы нам.

– В конце Дерибасовской улицы вообще шедевр – Пассаж. Там на стенах росписи можно часами рассматривать.

– Мам, а мне понравился в Одессе Тещин мост, с которого открывается вид на порт и типичные многосемейные одесские дворики. Где-то в них видны резвящиеся дети, где-то за столом играют в домино, карты или шахматы мужчины, где-то женщины развешивают по веревкам стирание белье.

– Неплохо бы сходить на Приморский бульвар. Там много лавочек для отдыха, торговых точек и ларьков.

– Обратите так же внимание на Потемкинскую лестницу, облицованную серо-розовым гранитом, по которой можно спуститься к самому Морскому порту. На ней 192 ступеньки. И ее высота чуть меньше тридцати метров. При взгляде с нее вниз видны только площадки. А когда смотришь вверх, то только ступеньки.

В разговор вступил глава семейства:

– По обе стороны Приморской набережной пришвартовываются различные круизные лайнеры. А перед зданием Морского вокзала стоит скульптура «Золотой мальчик». Она считается символом удачи путешественников. – Кстати, о мальчиках, улыбнулся он. – В прошлом году в порту мы услышали интересный случай:

– Уходит в рейс моряк. А жена его на сносках дохаживала.

Она ему говорит:

– Когда родится ребенок, я тебе на корабль телеграмму пришлю.

– Ну, нет! Мне тогда всю команду поить придется. Ты лучше напиши, что мороженое привезли. И я все пойму.

Через три месяца он удивленно чешет затылок. В телеграмме написано:

«Эскимо привезли чуть позже срока. Одно оказалось с палочкой, а другое нет!»

Пассажиры рассмеялись. А наша мама переспросила мужчину:

– Не поняла, двойня, что ли оказалась?!

Как ни хорошо жилось нам в станице, пришло время покинуть ее. Весной мать, напуганная тучами неприятностей, сгустившимися над старшим сыном, вынуждена была переехать со мной в Грозный, чтобы быть ближе к нему.

Надю перед отъездом я так и не увидела, чтобы хоть адресами обменяться. Она теперь жила с Васькой у бабушки на другом конце села. Жалко, когда прерывается дружба без надежды когда-то возобновиться. У нас обоих изменились адреса. Осталось только щемящее чувство потери на долгие годы.

Огнями и шумом транспорта мы были встречены в родном городе. Все здесь было близким и знакомым. Не было лишь собственного жилья, станичных друзей и бывшего спокойствия. О возвращении в коттедж отца не было даже помыслов. Он к тому времени уже сошелся с женщиной. И воспитывал ее отпрысков. До судеб собственных детей у него давно не было никакого интереса.

Квартиру мать сняла на Начале Катаямы по десятой линии на самой верхней улице. Ближайшей для продолжения учебы оказалась школа, в которой я мечтала учиться с самого начала ее постройки.

В классе я увидела многих своих одноклассников по начальной школе. И городская жизнь вскоре снова покорила меня. Правда, иногда с тоской вспоминались друзья из Ищерской. Но что сделано, то сделано. Назад пути не ожидалось. Детство и отрочество у нас проходит там, где находятся родители. Жизнь – не повесть, ее заново не перепишешь.

Брат остался жить у бабушки, а мы с матерью поселились в одной из комнат хозяйского дома. Вокруг жили в основном люди коренной национальности. Появление симпатичной русской девочки не осталось для них тайной. Я старалась больше времени проводить в школе,

ходить только с подругами. Но они жили ближе к школе. И конец пути мне приходилось преодолевать одной. На мои жалобы о приставаниях ребят у матери был один ответ:

– Значит, даешь повод для такого отношения к тебе. Меньше задом верти! У меня есть проблемы, серьезней твоих неприятностей.

– Ничем я не кручу, – огрызалась я.

Мать утром спокойно уходила на работу. И начинались мои мучения. Мальчишки соседних домов стучали в дверь, требуя выхода для разговора. Я поначалу вышла. И тут же пожалела об этом. Они приставали ко мне, выкручивали руки. Я от них еле вырвалась и убежала. С тех пор всегда учила уроки за закрытой на ключ дверь, сидя как мышка, и делая вид, что никого нет дома.

Тогда хулиганы ходили под окнами, заглядывали в комнату, отпускали в мою сторону всякие колкие и обидные высказывания и угрозы:

– Эй ты, новенькая! Выходи, нечего прятаться от нас. Все равно поймаем.

Я снова жаловалась матери в надежде на ее помощь и сострадание. В ответ от нее слышала:

– Терпи! Не принцесса. Нам больше негде искать жильё. Меньше хвостом крути, никто на тебя и внимания не обратит.

Я даже обиделась:

– Это я-то хвостом кручу? Стараюсь на глаза никому не показываться. Занятия в школе закончатся, сразу домой бегу. Тут же дверь на замок закрываю. Когда же успеваю хвостом вертеть?

– Ну, не знаю. У всех все нормально, а к тебе одной пристают.

Как-то возвращалась домой в одиночестве, пристали два юнца. Я и спокойно просила оставить в покое, и вырывалась из их цепких рук. Ясное дело, силы были не равны. Это продолжалось до самой моей улицы. Тут из первого, углового дома на шум за забором вышла тетя Ксения и отбила меня у мальчишек.

– Чего вы пристали к девчонке? – Громко закричала она. – Не видите, не хочет она с вами никуда идти?! Отпустите сейчас же ее руки, а-то собаку с цепи спущу!

Со двора доносился страшный лай собаки.

Мальчишки, нехотя и злобно оговариваясь, побрели обратно. А женщина повернула голову в мою сторону. Я была смущена, по щекам текли слезы благодарности.

– Что ж ты, милая, одна ходишь? Ладно, мать на работе. Брат-то где? – только и спросила спасительница.

Я вздохнула:

– Он у бабушки живет!

– И часто к тебе хулиганье пристаёт? – осведомилась она.

– Да почти каждый день.

– Надо матери сказать об этом.

– Я говорила. Она ответила, что есть проблемы существеннее моих страхов. И предложила мне свои вопросы решать самой.

– Не понимаю, что может быть главнее защиты чести родной дочери! – возмутилась тетя Ксения. – Потом будет поздно разводить руки в стороны, – с осуждением в голосе, сказала она чуть тише, как бы про себя.

– У Вовы что-то там случилось. И она теперь занимается решением его проблем, – сквозь слезы, сказала я.

– Милая девочка! Вова- парень, будущий мужчина. Вот он действительно должен справляться со своими проблемами сам. А дочку – подростка бросать в трудную минуту опасно!

Она задумалась:

– А знаешь, приходи ко мне в любое время. Мой сын, Юрик, в школе-интернате учится. Неделями дома не бывает. Я с работы раньше других прихожу, иногда работу на дом беру. Нам с тобой вдвоем веселей будет. Я всегда мечтала иметь такую дочку, как ты, но Бог распорядился, чтобы у меня были только сыновья.

Тетя Ксения привела меня в свою комнату, разогрела чайник, сердечно обняла за плечи, и, подмигнув, стала разливать по кружкам ароматный чай. К нему она поставила на стол незамысловатый торт из печеньев, пропитанный кремом. Мне показалось, раньше и чая такого вкусного не пила, и торт понравился.

Особенно понравились простота и доброта женщины. Я сейчас нуждалась в тепле и участии. И получив все это от чужой женщины, стала часто показываться в гостях у нее. Потом познакомилась с ее сыном. Мы стали дружить. Везде с этих пор нас видели вместе. Мы ходили, взявшись за руки. И мама Юры в обязательном порядке рядом. Без нее мы почти не общались.

Моя простая детская дружба и человеческое общение с этой семьей продолжались примерно года три. Это вызывало у матери протест. Она считала себя обиженной и оскорбленной, недоумевая, как чужая женщина стала другом ее строптивой дочери, а она не может найти со мной общего языка?!

Вскоре она получила восьмиметровую комнату в квартире с подселением. Два метра в ней занимала прихожая со встроенным шкафом и умывальником по другую сторону от входа. Она переехала туда с сыном. Меня оставила жить у своей матери.

Как-то в расстроенных чувствах она пришла на работу. Соседки по кабинету посоветовали ей для собственного спокойствия разладить общение дочери с семьей Ксении.

– Это очень просто. Ты отправляешься сейчас на автобусе к Оле. Пусть она думает, что ты приехала из дома. Скажи ей, будто не спала всю ночь. Ксения распускает слухи, что задарила ее подарками. И что за любой из подарков она, как собачка побежит за ней и ее сыном. Добавь еще, что она говорит, будто Оля не видит ничего хорошего от матери, поэтому и тянется к ним. Вот посмотришь, девочка прибежит сюда узнать, правда ли это, а мы все и подтвердим.

Другая сослуживица воспротивилась:

– Что вы творите? Это же как-то подленько получается. Как бы ни навредить девочке этим поступком. Что может получиться из этого обмана?

Полина Ивановна, обернувшись к ней, сказала, как отрезала:

– Ничего страшного не будет. Мать просто-напросто хочет оградить свою дочь от чужого влияния. Не велика потеря!

И произнесла шепотом:

– Ты, Даша, не сомневайся в успехе. Твоя дочка гордая, не потерпит кощунства над чувствами.

Дмитриевна вспылила:

– Ну, ты, Ивановна, даешь!

– Это надо для спокойствия Дарьи! А друзей Оля себе еще сотни найдет! Не велика беда!

И мать отправилась в бабушкин коттедж с единственной целью – расстроить мою дружбу с тетей Ксенией и Юрой.

Она показалась из автобуса на остановке, где возле двора на лавочке сидела я. И направилась во двор мимо меня, лишь склонив в мою сторону голову в знак приветствия. Из дому доносились сначала спокойные голоса, потом спор стал громче. С чем-то бабушка не соглашалась.

Назад она вернулась чем-то озабоченная. Несмотря на кипевшие в ней ревность и неприязнь к Дворниковым, при мне она выглядела спокойной и уравновешенной.

Она подошла к лавочке, села на свободное место и молчала. На ее щеках ходили желваки, и взгляд не предвещал ничего доброго. Инстинктивно я поняла, что предстоит серьезная беседа. Знать бы только, о чем.

Наконец, мама стала говорить. Ничего серьезного: о том, о сем. Поинтересовалась успехами в школе, все ли нормально в отношениях с друзьями. Раньше это мало ее интересовало. У меня от нетерпения вспотели ладони, так как всегда считала, если хочешь что-то донести до человека, не ходи вокруг да около, а излагай суть сразу, без обиняков.

Наконец, разговор вошел в нужное русло:

– Мне, Оля, надо с тобой серьезно поговорить. Сегодня краем уха я услышала, что тетя Ксения хвастает, будто ты для нее почти дочерью стала. Разве может быть такое? Мать должна быть одна. И это я, – все громче распалилась она.

– Никто и не отрицает твое материнство. Может, она имела в виду общие со мной интересы?

– Я не знаю, что она имела в виду. Но считаю, что подобные разговоры надо пресекать. Сейчас она заявляет, что они с сыночком тебе ближе меня, что ты от них подарки принимаешь. А это означает только одно: я плохая мать. И не обеспечиваю тебя необходимыми вещами. А что дальше будет?

– Какие еще подарки? – недоуменно посмотрела я на мать.

Мать хорошо знала: я обидчива и открыта, того же ожидаю от окружения. Мне и в голову не могло прийти, что для достижения цели она станет пользоваться не дозволенными средствами. Спокойствием и уравновешенностью матери удалось усыпить мою бдительность.

– Хотя, если честно, – подумала я, – в этом есть доля правды. Даже в старших классах я ходила в обносках. Когда мать перелицовывала пальто, то пуговицы пришивала не на месте старых проранок, чтобы скрыть их, а между ними. Наверное, ей доставляло удовольствие, когда я от стыда прятала глаза в компании друзей и подруг.

Стоило поглядеть на мои вещи, каждый видел, что оно с чужого плеча. Все одноклассницы в отличие от меня хорошо одевались. И это придавало им уверенности, а мне какой-то обделенности и стыда.

– Ну, разными там открытками, рисунками, носовыми платочками и всякой дребеденью.

Я понимаю, для тебя это просто знаки внимания, память. А из ее слов получается, будто я совсем не забочусь о тебе.

Это для меня было ударом. От слов, казалось, меня обдало кипятком с ног до головы. Я никогда не приняла бы дорогих подарков. А поздравительные открытки и рисунки товарища, – разве это подарки?

Моя мама и эта женщина работали в одной организации. Для меня мамина коллега всегда была доброй и щедрой женщиной. И сейчас я не верила в байки про ее хвастовство. Не из болтливой была она. Благодаря ей, я поверила в свое будущее. И только она оградила меня от малолетних хулиганов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.